

**Государственные
проекты становятся
источником
к обогащению
частных лиц...**

(С. 4)

**Сейчас у молодёжи
на первом месте
религиозная
идентичность...**

(С. 8)

ДАГЕСТАН

№3 (138)

МАРТ 2017

**В одно мгновение из детства
ты переносишься в старость, а вместо
зеленых горных долин видишь
вокруг раскаленную степь. И наоборот.
И в этом великая сила искусства.**

(С. 35)

**В нашем родном
Дагестане, где каждый
считает себя равнее
равного и главнее
главного, не разбира-
ется в политике только
один человек –
Глава Республики.**

(С. 12)

**Мы, дербентцы, –
особый народ.
Для нас Дербент –
единственный
в мире город.**

(С. 18)

**Мы назвали ее
Алиса, подразуме-
вая, что страна
наша полна
чудес и кроликов.**

(С. 25)

**И пусть вас не вводят
в заблуждение пан-
дусы: без серьезной
тренировки въехать
по ним – дело
неосуществимое.**

(С. 32)

Колонка редактора

Отступать некуда, позади Дагестан

Есть горское проклятие: «Что б сын твой был похож на тебя!» Произносится оно в том случае, когда дети ослушаются родителей. У Расула Гамзатова есть стихотворение, как пожилой человек вернулся с пашни и заплакал навзрыд на годекане перед джамаатом, и долго не мог объяснить свою беду собравшимся.

Когда собрался весь аул, старик выдал такое, что повергло в шок горцев. Загудел джамаат и затребовал мести, чтобы смыть позор кровью, и сохранить случившееся в тайне, дабы не прослышали джамааты соседних сел. Ибо, если не будет мести, позор останется навеки, и ничто его не смоет. Выяснилось, что в тот весенний день в ссоре сын избил родного отца палкой. Когда привели его для мести джамаата, отец снова заплакал и попросил развязать провинившегося сына. И поведал старик, что на той же пашне в свои молодые годы избил он своего старого отца. Признавшись в этом грехе, старец опустил голову. Джамаат изгнал отца и сына из аула.

Законы гор, традиции, религия, патриархальные устои четко разграничивают в горах взаимоотношения отцов и детей. Иной раз кажется, что в этих отношениях не все поддается объяснению и здравому смыслу. Например, сын отцу обязан всем, а недостаточно заботливое отношение отца к сыну не осуждается. Даже чрезмерная забота и баловство детей ставят в вину, принимают за слабость характера или легкомыслие. Никто не упрекнет горца, что он оставил сына на произвол судьбы; если же оставят отца, это – позор для рода.

Не знаю, есть ли объяснение такому отношению, но мне лично как горцу, живущему в городе, это нравится, и я не хотел бы потерять преемственность этих традиций. Пусть отец никогда не скажет мне доброе слово – я не жду; смыслом моей жизни должно быть – как ему угодить и быть достойным сыном отца. Ибо я сегодня молод и полон сил, а он становится изо дня в день слабым и немощным.

Очень неловко чувствую я себя, когда он ко мне вежлив и без необходимости обращается по имени. Тут я отца своего не узнаю – такое ощущение, что говорит со мной посторонний человек, а не родной отец, к которому я привык с детства. И не к нашему двору эти телачьи нежности городских, признания в любви друг другу отцов и детей. Уклад жизни, традиции и характер должно сохранять в любой ситуации и обстановке, иначе мы потеряем себя.

Только маме разрешается иногда быть ласковой, да и то с сохранением рамок приличия. Я должен быть вежливым и заботливым к матери, но если я скажу: «Мама, я тебя люблю», это буду или не я, или мама будет не моя. Не наше это. Зачем фальшивить, лукавить и играть роли, когда можно оставаться искренними и понимать друг друга без лишних слов.

На мой взгляд, одним из важных факторов полной гармонии среди людей является то, к чему стремились, чего придерживались предки. Как только мы потеряем связь поколений и устои жизни предков, мы потеряем свою самобытность, индивидуальность, национальный колорит и то многое, что делает нас настоящими горцами, дагестанцами, да и мусульманами, хотя мне сложно объяснить отношение ислама к этому вопросу.

Когда родители уделяют детям внимание больше чем положено, из них чаще всего вырастают существа без рода, племени, нации и религии. А там и до нетрадиционных национальных, социальных и сексуальных ориентаций рукой подать: атеисты, космополиты, геи, трансвеститы и прочая шваль, чуждая для страны гор. Для них уход от Дагестана – цивилизация, а сохранение нашего родного, национального, традиционного – отсталость и недоразвитость. Эти люди формируют сегодня культурную повестку республики.

Нужен ли нам такой Дагестан? На это у каждого свой ответ. У вас какой?

Магомед Бисавалиев

6+

ДАГЕСТАН

№3 (138) март 2017 г.

Выходит с августа 2002 года.
Периодичность – 12 раз в год.

УЧРЕДИТЕЛЬ

Министерство печати и информации
Республики Дагестан

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

АЛИЕВ М.И.

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:

367000, г. Махачкала, ул. Буйнакского, 4,
2-й этаж (в здании Союза писателей Дагестана).

Телефоны:

67-02-03 (главный редактор)

67-02-08 (отделы)

<http://journaldag.ru>

E-mail: dagjur@mail.ru

НАШИ РЕКВИЗИТЫ:

Получатель: ИНН: 0562053040

КПП 057201001

УФК по РД (ГБУ РД «Редакция журнала
«Дагестан» л/с 20036Ш60490)

Банк: ГРКЦ НБ РЕСП. ДАГЕСТАН

БАНКА РОССИИ г. Махачкала

Р/С 40601810100001000001,

БИК 048209001

Назначение платежа:

135000000000000000130

(л/с 20036Ш60490)

Журнал зарегистрирован Южным окружным межрегиональным территориальным управлением Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций – свидетельство ПИ № 10-4793 от 23 июля 2002 года. Перерегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций – свидетельство ПИ № ФС 77-36557 от 05 июня 2009 года.

ОГРН 1020502629927

Номер набран и сверстан на компьютерной базе журнала «Дагестан». Отпечатан в типографии ООО «Издательство «Лотос».

Адрес типографии: 367010, РД, г. Махачкала, ул. Петра I, 61.

Усл. п. л. – 7,5.

Тираж – 1000 экз.

Номер заказа –

Дата выхода –

Подписной индекс на год – 63280,

на полугодие – 78434.

Цена номера в киосках «Дагпечати» – 50 руб., у общественных распространителей – свободная.

Содержание номера:

Тамерлан Магомедов

Коротко
об инвестициях...
С. 4

Наида Хаспулатова

Сколько
дагестанцев уйдет в лес?
С. 8

Эдуард Эмиров

Фальсификация
как аргумент
С. 12

Владимир Севриновский

Дербентский
народ
С. 18

Борис Бергер

Алиса.
Песня Гор
С. 25

Жемилат Ибрагимова

«Я живу,
чтобы меня любили»
С. 28

Светлана Анохина

Невидимые
люди
С. 32

Влада Бесараб

Такие разные
классики
С. 35

Тимур Магомаев

Море вокруг
С. 40

Алиса Ганиева

Мункар и Накир
С. 52

Елена Говерт

Горчинка в голосе...
С. 56

Арбен Кардаш

Я – человек!
С. 58

Тамерлан Магомедов

КОРОТКО ОБ ИНВЕСТИЦИЯХ...

Прошедший 27-28 февраля XVI Российский инвестиционный форум «Сочи – 2017» дагестанцами остался практически незамеченным. Несмотря на то, что в его работе приняли участие Председатель Правительства РФ Дмитрий Медведев, главы федеральных министерств, субъектов, крупнейших зарубежных и отечественных компаний, а дагестанскую делегацию возглавил сам Рамазан Абдулатипов.

Подготовка к форуму прошла без традиционного фурора, обошлась республика и без своей отдельной экспозиции. Макет Махачкалинского морского торгового порта оказался скромно встроено в стенд Корпорации развития Северного Кавказа, которая как отчаянный брокер пытается сегодня сбыть невежественным инвесторам неликвидные фьючерсы. Те, что мы сами уже продавать даже и не пытаемся.

На этом впечатляющем объекте визуализации, призванном наглядно продемонстрировать практически невидимые простым взглядом географические и климатические преимущества нашей столицы, махачкалинский морской порт был подобен деревенской девушке на светском рауте. Украшенный словно макияжем гаванью для круизных судов и яхт, берегоукрепительными сооружениями, причалами, зданием морского вокзала и гостиницы, одним своим именем он невольно выдавал все свои скрытые косметикой пороки. Хотя, заглядевшись на макет, некий, крайне несведущий обыватель мог и воодушевиться, поверив в то, что Дагестан в скором времени станет морскою державой.

К сожалению, созданная руками угодливых чиновников идиллическая картина разбилась о приземленность размышлений главы республики. В ходе делового завтрака на форуме Глава Дагестана не стал лукавить, заявив о том, что тысяча процентов – это в тысячу раз лучше, чем ноль. Отталкиваясь от практики того, что лучшая оборона – это нападение, Абдулатипов

заявил о том, что промышленность республики находится на недопустимом уровне.

«Всего 5% населения в Дагестане работает на заводах. Это уровень позднего феодального развития. В начале XX века было 7%», – отметил Абдулатипов. По его мнению, десятилетия Дагестан находится в аутсайдерах по бюджетному обеспечению. Однако за последние годы республике увеличили субсидии из федерального центра, и сейчас она работает в «постреабилитационном режиме».

Сменив маркетинговую стратегию, республика не стала в этот раз расплываться, сосредоточившись в 2017 году на продвижении проекта, который один почти стоит всех инвестиционных предложений Дагестана, сделанных годом ранее. Напомню, что на форуме «Сочи – 2016» Дагестан представил 62 инвестиционных проекта на общую сумму около 191 млрд рублей и 111 инвестиционных предложений на сумму порядка 209 млрд рублей. Однако пакет на четыреста миллиардов не заинтересовал никого. И это было вполне предсказуемо. В отличие от решения в разы сократить свое присутствие на форуме в текущем году.

КАСПИЙСКИЙ ХАБ И ДАГАГРО «ХАП»

Масштабный проект, который по замыслу должен быть встроено в транспортный коридор Север-Юг, получил и громкое название. Проектная стоимость создания Каспийского хаба была заявлена в размере порядка 110-120 млрд рублей, из которых 27 млрд рублей – это федеральные средства. Колоссальные инвестиции потенциально могут быть оправданы не менее внушительными доходами, только налоговые поступления от которых могут составить 5-7 млрд рублей в год.

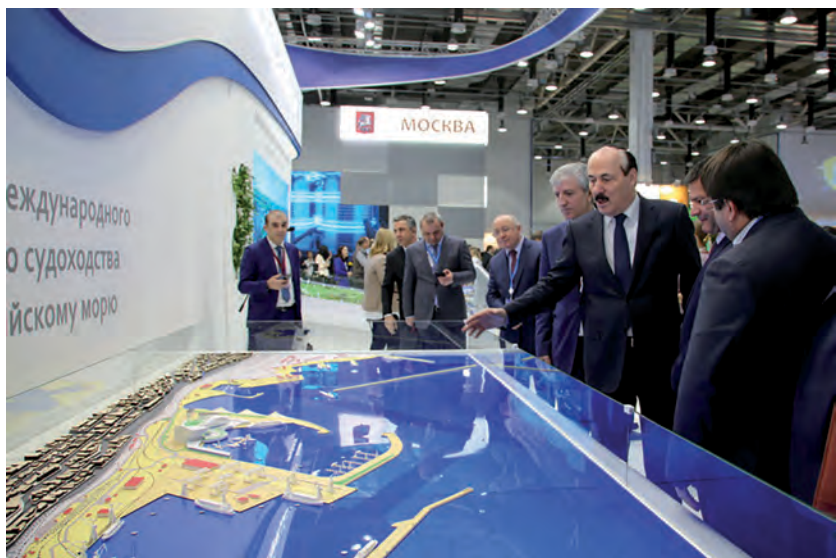
Проект действительно впечатляет, ведь на шумевшее строительство колоссального Каспийского завода листового стекла обошлось

всего примерно в десять раз дешевле. Однако, закончив 2015-й год с убытками в размере порядка 3 млрд рублей, разрекламированный флагман республиканской промышленности сполз в банкроты. Прогнозы о том, что предприятие ждет именно такая судьба, звучали с момента начала его возведения. В связи с этим попытки увязать в прессе банкротство завода с персоной Абдулатипова и его якобы неэффективной экономической политикой неуместны.

Запущенный при Магомедсаламе Магомедове проект по выпуску в Дагестане большого объема стекла изначально вызывал сомнения в своей рентабельности. Информация о том, что для функционирования предприятия в республике нет сырья, которая всплыла уже после того, как завод был торжественно введен в эксплуатацию, вызвала лишь вежливые улыбки на лицах экспертов, понимающих все обстоятельства. По мнению некоторых из них, строительство завода изначально не предполагало долгосрочной работы, и уж тем более – выхода на рентабельность.

Традиционно для России проект предположительно был интересен лишь своей масштабностью. Естественно, что наиболее масштабные проекты в стране сегодня реализуют государственные корпорации, имеющие монопольное положение на рынке извлечения из наших недр того или иного энергоресурса. Например, газа, который предполагалось продавать в Китай по трубопроводу «Сила Сибири», или же поставлять в Европу по трубопроводу «Южный поток». С учетом того, что экономика Китая вполне обеспечивает себя дешевым местным энергоресурсом в виде угля, а Европа давно уже не спешит покупать российский газ из политических соображений, оба проекта заведомо убыточны.

Но, как не устают повторять известная журналистка Юлия Латынина: в России строят не для того, чтобы работать, в России строят для того, чтобы деньги «зарыть». И хотя Дагестан далеко не каждый россиянин сегодня воспринимает субъектом России, однако законы (в том числе и рыночные) в нашей республике действуют такие же. Именно на основе этих неписаных, но исключительно обязательных для исполнения законов подобные масштабные проекты не только зарождаются в головах, формируются на

бумаге, но и проходят все необходимые проверки, согласования.

Конечно, масштабные проекты, реализуемые по инициативе частных инвесторов, от проектов, запускаемых менеджментом госкорпораций, на первый взгляд отличаются принципиально. Но если взглянуть внимательнее на тот же проект строительства КЗАС, то окажется, что все его различие с проектом строительства нового газопровода лишь в количестве полей в сметах расходов. Разобравшись в принципах финансирования обеих строек, можно понять, что формально коммерческий проект зачастую является таковым лишь на первый взгляд.

ИГРА В ОДИН КАРМАН

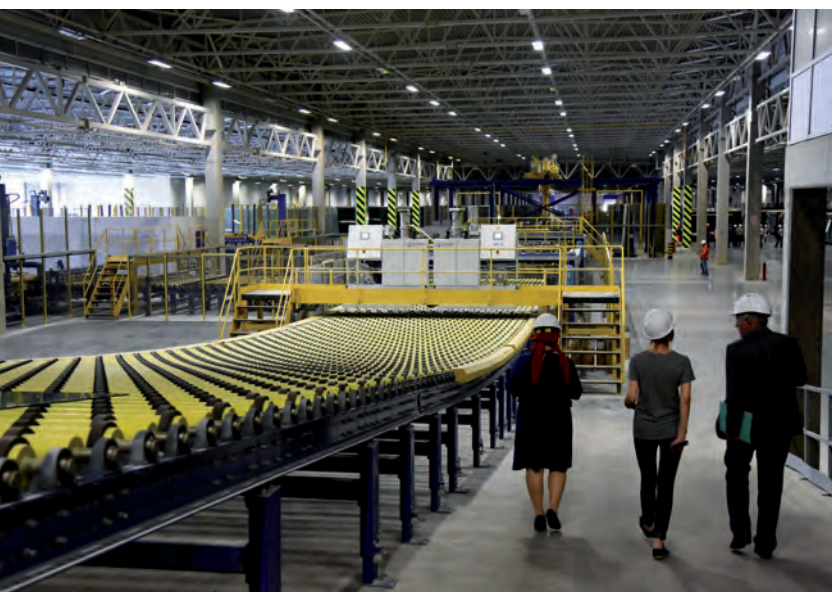
Разрушив плановую экономику, а следом и промышленные гиганты, на которых она держалась, новая экономическая доктрина, и, в первую очередь, непосредственно ее носители, привела к хаотичному размножению частного предпринимательства, которое плодилось словно планктон в теплых водах. И к появлению подпольных мастодонтов, которые подобно китам давали знать о себе в этом мелкособственническом биологическом бульоне, лишь изредка показываясь над поверхностью обывательского восприятия, особо увлекшись в охотничьем азарте.

Естественно, что на таком фоне любому государству исключительно хотя бы для имиджа хочется иметь якорные и флагманские проекты, которые можно будет с гордостью демонстрировать как пример успешного опыта иностранцам, а может, даже и добиваться его повторения

на местном уровне. Государство объективно готово направлять огромные средства на спасение собственной экономики, которое априори выглядит невозможным без поддержки новых производств.

Однако именно здесь стратегическая государственная инициатива напарывается на тактику собственных исполнителей в лице чиновников всех рангов. Именно так государственные проекты становятся источником к обогащению частных лиц, которых ранее было принято называть олигархами. Сегодня в отношении этой прослойки уже будет более правильным употреблять термин «зицпредседатели», – увековеченный известными советскими писателями еще в эпоху той, советской новой экономической политики.

Наглядным примером обоснованности данного утверждения является широко разрекламированный проект «Дагагрохолдинг», который на днях был практически в полном информационном вакууме признан банкротом. Отсутствие должного внимания к факту потери в рамках реализации данного проекта порядка пяти миллиардов рублей государственных денег – даже со стороны ведущих независимых СМИ республики – вновь наталкивает на мысли о том, что подлинными бенефициарами в этом случае выступали не только и не столько ответственные за развитие сельского хозяйства чиновники, но, как минимум, и те лица, которые призваны заниматься пресечением нарушений закона, в том числе негласно действуя и посредством работы независимых СМИ.

Ознакомиться с результатами деятельности «Дагагрокомплекса», который успел к тому времени освоить с 2012 года более трех миллиардов рублей, полученных в виде кредита в «Россельхозбанке», мне удалось в июле 2015 года. Осмотрев заявленное в качестве прогрессивного производство, оставалось лишь развести руками. Проект оказался образцовым примером «потемкинской деревни» – не менее достойным литературной славы, чем всем известная фирма «Рога и Копыта».

Получив в аренду двенадцать тысяч гектаров земли для организации производства, и создав соответствующие жанру «декорации» на тридцати гектарах, «флагман» сельского хозяйства республики формально занимался выращиванием томатов с использованием передовых западных технологий и в фантастических объемах. В реальности автору этих строк не удалось отведать с грядки ни одной ягоды, потому как единственное ухоженное поле было поражено вредителями, и молодые помидоры, не успевая созреть, превращались прямо на ветках в отходы.

Возвращаясь к разговору об инвестициях, надо вновь подчеркнуть, что формально «Дагагрокомплекс» был частным проектом, однако можно ли назвать его действительно таковым с учетом того, что в течение пяти лет ответственными республиканскими чиновниками на фоне вышеописанных декораций велись перед телекамерами бесконечные разговоры о грядущих фантастических урожаях? По непроверенным данным, руководитель проекта, который и выступил в роли зицпредседателя, сегодня проживает в Турции. Сведений о том, что по данному факту возбуждено уголовное дело и к ответственности привлечены какие-либо иные лица, также нет. Известно лишь то, что в отношении республики, выступившей гарантом по кредиту, банком-кредитором подан регрессный иск о взыскании более миллиарда рублей.

ПОРА МЕНЯТЬ ПРАВИЛА?

Как видно на примере вышеописанных предприятий, формально частные инвестиционные проекты на деле являются государственными. Пора признать, что в большинстве случаев подобные проекты создаются либо по прямой воле, либо благодаря активному содействию государственных деятелей. Практически всегда

понятие «частные инвестиции» в рамках подобных проектов сводится к заемным средствам, полученным в банках с государственным участием. Обязательным условием старта проектов является и то, что конечными бенефициарами в результате их реализации оказываются чиновники. Непременным условием является и то, что всю прибыль подлинными инициаторами проекта получают уже на этапе строительства, незамедлительно сбрасывая едва запущенное производство банку-кредитору, как неликвидный и полностью выработавший себя актив.

Естественно, что в подобных условиях говорить о подлинном развитии производства неуместно. Необходимо менять правила игры. И здесь возникает сложная дилемма, когда необходимо либо отказываться от практики запуска крупных проектов как таковой. И даже законодательно создавать ограничения для реализации масштабных проектов, стимулируя таким образом кредитование малого и среднего бизнеса, представителям которого в виду относительной незначительности осваиваемых сумм будет бессмысленно проводить рискованные финансовые операции. Равно как и правоохранительным органам станет бессмысленно годами закрывать глаза на подобные финансовые «аномалии».

Либо в масштабах страны необходимо признать то, что построение рыночной экономики, как таковой, в России не удалось, начав поэтапный возврат к плановой экономике, когда государство сразу станет из своих средств строить необходимые ему производства, не дожидаясь пока за его счет будут возведены и затем уже сброшены ему через процедуру банкротства очередные «неликвиды». Данный путь не предполагает также кардинальных законодательных изменений государственного устройства. Достаточно будет до конца выстроить и упорядочить правила создания и работы уже всем известных государственных корпораций. Однако на примере нефтяной промышленности, когда государственная собственность переходит в частные руки, мы видим, что и этот путь нельзя назвать эффективным.

Возвращаясь к проекту Каспийского хаба, стоит отметить, что республика сегодня обладает достаточными собственными ресурсами для его реализации без участия федерального бюджета или кредитования в государственных банках.

Для этого хватит имеющейся на руках у населения наличности. Однако сегодня никто – даже на уровне гипотез – не обсуждает механизмы вовлечения в инвестиционный процесс самого населения республики. Обусловлено это, безусловно, очень высоким уровнем недоверия населения к финансовым операциям при участии органов государственной власти. Однако нет и попыток разработать вызывающий доверие финансовый механизм, который позволит преодолеть недоверие населения и увлечь его не только строительством новых ресторанов, аптек, гастрономов, но и такими масштабными проектами, как развитие товарного потока из Азии в Европу.

Здесь вновь стоит вернуться к словам Рамазана Гаджимурадовича о промышленном «средневековье». Стоит напомнить, что бурный рост промышленности в дореволюционное время был во многом основан на вложениях в промышленность самого населения, которое активно и с большой охотой выкупало векселя в различных концессиях. Необходимо понимать, что и сегодня нельзя рассчитывать на промышленный рост, пока размытый термин «инвестор» не обретет реальные очертания и конкретные лица. Несмотря на то, что длительное время Дагестан действительно был в аутсайдерах по бюджетному обеспечению, бизнес-активная часть населения республики не просто готова вкладывать деньги. Дагестанские бизнесмены неустанно ищут новые направления для инвестирования. Однако необходимы прозрачные и понятные условия игры. Необходимы гарантии.

Наида Хаспулатова

СКОЛЬКО ДАГЕСТАНЦЕВ УЙДЕТ В ЛЕС?

Почему у молодежи во всем мире, особенно в мусульманских странах и регионах, стали необычайно популярны идеи экстремизма? Что толкает молодых людей отказаться от благополучной жизни или от присущих этому возрасту развлечений и отдать жизнь за непонятную идею? Насколько изменилась дагестанская молодежь, и насколько популярны в дагестанском обществе, особенно в среде самых юных, радикальные идеи и религиозный фанатизм?

Что эти проблемы очень актуальны для дагестанского общества, понимают все – тысячи дагестанцев стали боевиками и ушли в лес (почти все убиты), сотни дагестанцев воюют сейчас в Сирии в ИГИЛ (деятельность запрещена в России). Понять, объяснить и оценить масштабы этого явления пытаются социологи. Заид Абдулагатов – заведующий отделом социологии ИИАЭ ДНЦ РАН – темой «Ислам в массовом сознании дагестанцев» занимается уже более 20 лет, за это время провёл в нашей республике немало социологических опросов. Изменения в общественном мнении по этим вопросам видны сразу.

– Расскажите, как, по Вашим последним исследованиям, дагестанцы относятся к экстремизму?

– В 2016 году мы опросили 800 человек по репрезентативной выборке – в нескольких городах и Ботлихском, Казбековском, Дербентском, Унцукульском, Буйнакском сельских районах республики. Один из вопросов был: «Могли бы Вы оказаться в рядах, воюющих на стороне ИГИЛ (деятельность запрещена в России)». 3,5% молодежи сказали «Да». Если скорректировать результаты с численностью этой возрастной группы, то можно сказать, что так думают 35 тысяч молодых дагестанцев. В 2010 году я уже спрашивал, могли бы они оказаться в лесу, и тогда тоже более 3% выбрали ответ: «Обязательно окажусь среди “лесных братьев”», 8,5% сказали, что «возможно». Среди мальчишек процент выше – 9,5%, в основном это были старшеклассники. Есть какая-то часть молодежи, которая всё вре-

мя проявляет экстремальность сознания. Один из выводов исследования сводится к тому, что среди молодежи есть реальный экстремальный потенциал, свойственный «лесным братьям». Этот потенциал имеет как религиозный, так и социально-протестный характер, выражающийся в пределах 11-12% выборки. Наибольшие показатели этой экстремальности наблюдаются в возрастной группе «от 18 до 25 лет».

В опросе 2016 года был задан аналогичный вопрос относительно ИГИЛ (деятельность запрещена в России). В общей выборке заявивших, что они могут по тем или иным причинам оказаться в рядах, воюющих на стороне ИГИЛ (деятельность запрещена в России), оказалось 2,7%. У молодежи отдельно – 3,5%. Наибольший показатель в этой позиции у возрастной группы «от 25 до 30 лет» – 11,8%. В группе «старшего поколения» таковые есть только в возрасте «от 30 до 45 лет» – 2,0%, т.е., это явление молодежное. Я был

удивлён тем, что среди тех, кто обучался в исламских учебных заведениях, в ИГИЛ (деятельность запрещена в России) хотят уйти более 10% учеников; 3,5% респондентов из тех же учебных заведений считают, что «ваххабиты» – истинные мусульмане, и выбрали ответ «отношусь к ним хорошо». Среди тех, кто обучался в зарубежных исламских учебных заведениях, позицию «отношусь к ним хорошо» выбрали 22,4%.

Почти 5% молодежи одобряют участие дагестанцев в военных действиях в Сирии на стороне ИГИЛ (деятельность запрещена в России). Это пугающие цифры, это много для мирной, спокойной жизни дагестанцев. И это не только слова. Я анализировал участие дагестанцев в пособнической деятельности экстремизму и терроризму. По данным Росфинмониторинга, в 2013–2016 годах в деятельность такого рода вовлечены в несколько раз больше дагестанцев, чем из четырех известных мусульманских республик РФ (ЧР, КБР, ИР, РТ), вместе взятых. У нас очень активны пропагандисты и пособники экстремизма, и рассчитывать на то, что большинство дагестанских мусульман суфии и что суфизм спасет нас от экстремизма, как показала жизнь, не приходится. Многие салафиты выросли из суфиев. Таковыми были первые в постсоветском пространстве лидеры салафизма А. Ахтаев, Б. Магомед (Кебедов), А. Астраханский. Б. Магомед (Кебедов) был учителем муфтия Дагестана Саидмухаммада Абубакарова. По данным СМИ, более 150 мусульман, придерживающихся суфийских традиций в исламе, сегодня находятся в списках профучета.

Заслуживают внимания ответы дагестанцев на вопрос: «Может ли мусульманин быть патриотом нешариатского государства?», то есть России и Дагестана. Мусульманин не должен защищать нешариатское государство считают 19%; «Да, может» – сказали всего 44%. Я считаю, это слабое проявление патриотизма. Ниже всего уровень патриотизма у студентов религиозных учебных заведений и духовенства.

Очень был удивлён ответам на вопрос, в какой стране хотели бы жить молодые дагестанцы. Многие затруднились ответить. Но из тех, кто ответил (возраст 15-30 лет), оказалось, что большинство хотят жить в шариатской стране. Такое же большинство, из той же группы молодежи, считает, что статус человека с религиоз-

ным образованием выше, чем статус человека со светским образованием.

В 2016 году мы спрашивали, должен ли верующий соблюдать все законы государства. Вот представьте себе, 64% опрошенных готовы стать законопослушными, но только при условии, если законы не противоречат вере. Респонденты до 20 лет оказались в большинстве в этом ответе – 70%.

– **А в чем шариат может противоречить государству?**

– Я насчитал более 10 пунктов, хотя противоречий существенного характера намного больше. Например, в пятницу у госслужащих и в учебных заведениях рабочий день, а верующие уходят на рузман. Вся банковская система построена на процентах, а это целиком противоречит шариату. Любое светское государство развивает культуру, музыку, балет, живопись, спорт – и это противоречит шариату. Мы помним, как мусульмане неоднократно взрывали памятники имаму Шамилю, Улубию Буйнакскому в его же родном селении. Светское государство допускает плюрализм идеологий, шариат против плюрализма. Закон государства не разрешает многоженства, но при этом не лезет в личную жизнь. Шариат, наоборот, даёт равные права нескольким жёнам, но строго контролирует сексуальную сферу. Эволюционную теорию Дарвина отрицают все религии, патриарх Кирилл настаивает, чтобы её исключили из школьных учебников. А никакой другой научной модели эволюции, кроме дарвиновской, пока не существует. Современная генетика подтверждает и дополняет эволюционную

теорию Дарвина. Одно из принципиальных отличий религии и науки заключается в том, что наука допускает принципиальную возможность фальсификации её результатов, религия – нет. То есть, религия, говоря по-простому, может сказать «так было угодно Богу» и внести в систему религиозного знания то, что получено научными методами. Открыли новые планетные системы, микромир, новые элементы, «думающие машины» – все это легко ассимилируется религиозным сознанием. Но то, что человек не есть результат кратковременного божественного акта, а результат длительной эволюции природы – ассимилировать оказалось очень трудно. Именно поэтому, как ислам, так и христианство жестко критикуют эволюционную теорию. Эта теория – одна из непримиримых линий разлома светского и религиозного.

Очень важно различие религиозных и светских норм в вопросах гуманности. Дело не только в том, что у каждого направления свое понимание природы и функций нравственности. Эти различия есть и внутри ислама. Например, нравственность дагестанского «ваххабита» и суфия достаточно разнятся. Как много раз писали и говорили суфии о «ваххабитах», они считают халяльным убить и отобрать имущество у «неваххабита». Для суфия это неприемлемо. В отношениях государства и религии важно другое: светское государство проповедует гуманизм и в его рамках говорит о гуманности. Принципиальная разница гуманизма и гуманности заключается в том, что религиозная гуманность есть явление теоцентристское, а светская идеология – антропоцентризма. Конституции РФ и РД делают акцент на правах человека, которые выше прав коллектива, этнического сообщества, которым он принадлежит, и даже – государства. С этой точки зрения человек – и никто, и ничто иное – есть «пуп земли». Совершенно другое говорит теоцентризм: человек – существо грешное, не он главное, а Бог.

Эпоха просвещения (XVII–XVIII вв.) считается церковью веками ереси потому, что она отвергала теоцентризм, утверждала внимание к проблемам человека. Современные конституции светских государств основываются на принципах, основанных на политических, идеологических, правовых, философских, культурных идеях этого времени.

Религия и сегодня не прекращает свою борьбу с этими идеями. Особенно остро эта борьба идет по части роли человека в обществе, государстве. Так, отвергая антропоцентризм, Патриарх Кирилл говорит: «...эта ересь, возникшая в сложные века Нового времени, сегодня распространилась по всему миру, вытесняя веру в Бога. Вера в Бога заменяется верой в могущество человека». Нельзя не заметить, что религиозное сообщество не приемлет понятие «гуманизм», появившееся в эпоху Просвещения, как акцент на идеях антропоцентризма, и, как следствие – антиклерикализма. Религиозный гуманизм имеет основу в локальной, не охватывающей всю полноту общечеловеческой, морали. Как считают отдельные эксперты, на слово «гуманизм» был наложен запрет в модулях «Основы религиозных культур и светской этики» для общеобразовательной школы. Это было сделано с подачи лидеров Русской православной церкви.

– Вы 20 лет занимаетесь социологией, что меняется в дагестанском обществе?

– Ситуация сильно изменилась. В 90-е годы 70% дагестанцев называли себя верующими, сейчас их больше 90%, превалирует молодёжь – 95%. Усиливаются фундаменталистские настроения, хотя ДУМД очень активно борется с этим. Очень сильная разница по возрастным группам. Молодежь более привержена исламским ценностям, чем их отцы и деды. Из этого можно сделать предположение, что дагестанское общество будет становиться всё более религиозным и менее светским.

Кардинально изменилась идентичность наших граждан, то есть то, кем они себя считают прежде всего: россиянином, дагестанцем или мусульманином. 15 лет назад на первом месте была дагестанская идентичность, исламская – была на последнем. Сейчас у молодёжи на первом месте религиозная идентичность, на втором – дагестанская, этническая – на последнем.

Важно, что при стремительном росте религиозности нравственность, по мнению большинства жителей нашей республики, становится всё хуже. По данным наших опросов, 19% считают, что нравственная ситуация в Дагестане улучшается, что ухудшается – 45%, остается прежней – 20%. Несколько лет назад оптимизм в улучшении нравственной ситуации в РД в связи с усилением роли религии в общественной жизни был преобладающим в массовом сознании.

– Чем Вы можете объяснить, что нынешняя молодежь гораздо религиознее, чем их родители? Почему атеизм, насаждавшийся обществу на протяжении последних столетий, сдал позиции, и сейчас во всем мире идёт ренессанс ислама?

– Мир стал развиваться по пути протестантизма, который проповедовал индивидуализм, то, что интересы человека выше интересов этноса и государства, и это лежит в основе успехов капитализма. В технологическом смысле это дало большой расцвет, но мораль сильно размылась, много стало безнравственности: однополые браки, феминизм, женщины бросают детей, развитие внебрачных отношений. И это возмущает многих людей с традиционными нравственными ценностями.

Вторая причина – наука, на которой держался светский мир, стала причиной многих опасностей общественного развития. Именно наука создала ядерное оружие, создала опасности уничтожения не только человечества, но и прекрасной природы Земли. Современные производства, основанные на науке, заставляют нас питаться продуктами, приведшими ко многим болезням, с которыми медицина не справляется. Поэтому наука перестала восприниматься как безусловное благо.

Третья причина заключена в том, что светская школа полностью потеряла свое воспитательное значение. На советскую литературу в школах выделяют всего один час. А она хорошо воспитывала патриотизм, моральные ценности; много было талантливых произведений, хотя были и бездарные, конечно. В школах России ввели «Основы религиозных культур» – православной, мусульманской, иудейской, буддийской. Деление учеников на верующих и неверующих, – писал академик А.А. Гусейнов, наш земляк, всю жизнь занимавшийся вопросами морали, – это дикость, такая же, как если бы мы стали их делить по политическим симпатиям или по национальному признаку. Оно противоречит и канонам образования, и законам государства. Такое деление – вдвойне дикость применительно к этике, изучающей универсальные нормы поведения. Эти учебники должны быть светскими, культурологическими, в реальности же это просто вероучительные книги. В Дагестане больше исламских учебных заведений, чем

по всей стране. В Губдене несколько сот девочек не ходят в школу, всеобщее светское образование официально сохраняется, но реально никто это не контролирует, и уже нет жестко реализуемых законов, которые могут заставить родителей отдавать детей в школу.

Но это моё мнение. Мы несколько раз проводили опросы на тему: что дагестанцы считают причинами религиозного экстремизма. И каждый раз на первом месте называется причиной безработица, на втором – проблемы молодёжи, на третьем – коррупция. Говорят, что в экстремисты идут и из богатых семей, но это только подчеркивает, что экстремизм явление многофакторное, есть причины чисто религиозные, и они играют в генезисе этого явления колоссальную роль.

При советской власти была одна траектория социализации: то, что я слышал в семье, слышал в школе и читал в газете. Сейчас много траекторий, и учителю в школе непонятно, какую выбрать. И социальные лифты перестали работать, потеряли смысл учёба и интеллектуальное развитие. Помните, как Ельцин сказал: «Зачем крестьянскому сыну высшее образование?».

Всё это вместе взятое и привело к популярности исламских ценностей. Религиозность поддерживается государством. Партия «Единая Россия» заявила, что придерживается идеологии российского консерватизма. По самому определению консерватизма, это говорит о том, что власть будет поддерживать религии, силовые блоки, сокращать социальные программы, что мы и наблюдаем в современной России.

Эдуард Эмиров

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ КАК АРГУМЕНТ

В советский период субъектами и объектами исследований были классы, партии, общественные группы, их взаимодействия. Некоторые ваши коллеги считают, что историками делался крен в сторону схематичности, социалистичности, не было взаимообусловленности событий, не было видно конкретных людей. А вот сейчас целесообразной стала региональная история, микроистория (или локальная история), изучающая историю региона, поселка, этноса, семьи. А с другой стороны, просто начисто переписывается вся история края; фальсификация и мифотворчество достигли невероятных размеров, закрыв всю историческую картину.

Есть ли такие тенденции в Дагестане или, может быть, сработал своеобразный иммунитет к искажениям и вымыслам, выработанный существовавшей многие годы профессиональной школой историков?

Таков был мой первый вопрос доктору исторических наук, заведующему отделом этнографии Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН Магомедхану Магомедханову.

– В годы моей молодости слово «фальсификация» означало почти то же, что и «предательство». Помню, как в 1970-е профессор по научному коммунизму, объясняя нам, студентам истфака ЛГУ, почему буржуазная социология фальшивая, приводил слова Ленина о том, что буржуазные ученые это «лакеи капитализма, мнящие себя мозгом нации», что «на деле это не мозг, а г...».

Тогда нам казалось, что в Советском Союзе нет, и не может быть фальсификаторов, тем более среди тех, кто преподавал историю КПСС и истмат. Парадокс в том, что в советское время фальсификаторов не было, а фальсификация шла полным ходом. Историки и обществоведы должны были сообразовывать свои исследования с методологией, которая настаивает на вторичности сознания и неизбежности формационной теории развития общества.

В СССР, как известно, приоритет в изучении «национального вопроса» принадлежал специалистам по истории КПСС и научному коммунизму. Десятилетиями повторялись одни и те

же определения понятий «социалистические и капиталистические нации», «феодалы и социалистические народности». Однозначно («расцвет через сближение, сближение через расцвет») толковалось и развитие «социалистических по содержанию, национальных по форме» культур. Всякий намек на актуализацию национальных интересов и ожиданий назывался просто: «буржуазный национализм». Что такое «не буржуазный национализм», никто не спрашивал. «Пролетарского национализма», по марксистской теории, не должно было быть по определению.

Все народы СССР были «рассортированы» по формационному принципу. Неравный национально-государственный статус народов СССР объяснялся и оправдывался «исторически сложившимися обстоятельствами». Народы, получившие автономии, причислялись к третьему разряду «национального оформления», т.е. к народностям. Такое промежуточное между племенем и нацией положение означало,

что народы Северного Кавказа, в отличие от грузин, армян и азербайджанцев, подлежат, по сталинской терминологии, «национальному до-оформлению». Было установлено, что народы Севера и Сибири из первобытнообщинного строя, «счастливно минуя» феодализм и капитализм, попали в социализм. За это они получили статус народности. Народы Северного Кавказа и Дагестана были наделены тем же статусом – «народность». Для удовлетворения традиционно гиперболизированных чувств национальной гордости им временами разрешалось считать, что они прошли в своем историческом развитии феодальную стадию и стали «социалистическими народностями», минуя «мучительную» стадию капитализма.

Примерно по той же схеме дифференцировались народы по типу хозяйства: земледельческие, оседлые считались «развитыми», а скотоводческие, кочевые, полукочевые, – «отсталыми». Конечно, многие понимали, что дело не в терминологических словопрениях, а в репутации северокавказцев в братской семье советских народов: либо они «развитые», «сформировавшиеся», либо «отсталые».

Дагестанские историки приложили немалые усилия, чтобы подогнать под универсальные формационные модели дагестанскую действительность. Одни искали и находили в Дагестане «феодализм без феода»; другие показывали наличие достойных исторических и культурных традиций, древней письменности и литературы, кодексов законов, судов, собраний, выборов, т.е. свидетельства высокого уровня культуры и правосознания дагестанских народов; третьи аргументировали «вековую отсталость» народов Дагестана ссылками на примитивное сельское хозяйство, патриархальный быт, религиозный фанатизм, «хищничество», отсутствие письменности и достаточного числа феодалов, государственности и т.п. Отдельную группу составляли и те, которые всю свою творческую энергию посвятили возвеличению истории КПСС и социалистического строительства в Советском Дагестане, пропаганде идей коммунизма и атеизма.

При всем этом Дагестан, как и другие автономные республики РСФСР, прошел советский этап модернизации, заметно продвинулся в социально-экономическом и культурном развитии. Большая часть производственных мощно-

стей и энергетики, механизированных отраслей сельского хозяйства и транспортных коммуникаций, медицинских заведений и учреждений культуры, наконец, признанная в мире система образования и сеть научно-исследовательских институтов, Дагестанский научный центр Российской Академии наук, – все это тоже наследие советской эпохи, результат дружбы народов СССР. Это и неперемнная составляющая исторического сознания народов Дагестана.

Советский патриотизм как выражение принадлежности к гражданской и политической нации «советский народ» был, несомненно, присущ гражданам СССР. Правда, после распада СССР многие стали трактовать его как что-то эфемерное, навязанное «сверху», ставить под сомнение сам факт существования советского народа как такового, а советского человека уничижительно называть «совок» или «Номо Sovieticus».

– А в наши дни, когда есть и фальсификаторы, и фальсификации истории, что-то изменилось?

– Да, конечно. Прежде всего, это фантастические возросшие объемы и скорости передачи информации, в том числе ложной. Изменился и методологический крен. Критическое заявление 1998 года одного ортодоксального историка-марксиста в адрес дагестанских историков, «появившихся в период переживаемого исторической наукой криза» и претендующих «на новизну в таких важнейших вопросах, как методологические основы исторической науки», его утверждения о том, что «для доказательства существования классовой борьбы, которую многие исследователи стали сознательно умалчивать, нет необходимости углубляться в далекое прошлое, а достаточно обратить свой взор на сегодняшнюю действительность», – повисло в воздухе. В отличие от самиздата советских времен, сегодня писать и печататься может кто хочет и что хочет: физик – о средневековой истории, зоотехник – об этногенезе... А к ответу за фальсификации истории привлекают Российскую Академию наук...

Тем, кто интересуется этой проблемой, рекомендую книгу: *Гаджиев М.С., Кузнецов В.А., Чеченов И.М. История в зеркале паранауки. – М., 2006.*

У фальсификаторов свои проблемы. Так как стопроцентную ложь общество все же не приемлет, им, как и лже-двоеженцам, приходится

изошряться в сочинении правдоподобных историй. Но в отличие от лже-двоеженцев, которые не знакомят со вторыми женами своих родственников, фальсификаторам нужны публичность, презентации, СМИ и социальные сети, опровержения, низвержения... И темы им нужны острые, задевающие самые чувствительные стороны исторического и национального сознания. Делается это, чтобы сбить дагестанцев с толку, лишить их упомянутого Вами иммунитета к искажениям и вымыслам...

– Нам не нужны «чистые физики»! Так любил говорить еще в советские времена один из уважаемых ректоров ДГУ. И в этом тезисе была своя правда – правда политизации и идеологизации всей общественной жизни. Одни назовут это практикой «промывания мозгов», иные используют другой термин. Нужно ли нам сегодня «политическое образование», в основе которого плюрализм мнений, без навязывания каких-либо идеологических стереотипов?

– Плюрализм мнений – это хорошо. Однако надо понимать, что политическое образование и есть «промывание мозгов». Или кто-то из борников плюрализма уже обосновал, что политическое образование возможно без навязывания идеологических стереотипов? На мой взгляд, современные проблемы деформации общественно-политического сознания состоят не в дефиците, а в запредельных масштабах политизации всех сфер жизни общества – от сельского хозяйства до этнических процессов. Запустили дацзыбао

«если Вы не будете заниматься политикой, то политика займется Вами», вовлекли людей через все мыслимые и немыслимые СМИ, социальные сети и «хабарные» площадки в политический лохотрон и удивляемся тому, что в нашем родном Дагестане, где каждый считает себя равнее равного и главнее главного, не разбирается в политике только один человек – Глава Республики.

– Правильно ли я Вас понял, что все сказанное Вами позволяет сделать вывод, что трансформация общественно-политической жизни в России и Дагестане не должна исключать осознания исторических и культурных традиций?

– Важно не только осознавать, но и уметь пользоваться созидательным потенциалом наших традиций. Кстати сказать, царская администрация хорошо понимала значение местных традиций, находила в них много разумного и, в целом, не разрушала их.

– В чем же выражалось такое понимание?

– Во-первых, была создана Дагестанская область, и тем самым продемонстрировано, что Российская империя не посягает на единство Дагестана и его народов. Были образованы известные девять округов, состоящих из сорока двух наибств, в которых первичными образованиями являлись «сельские общества». Каждое из этих административных делений соответствовало исторически сложившимся политическим и, одновременно, этническим делениям, они были автономны в решении вопросов в пределах их компетенции. Тем самым единая общеполитическая сеть, основанная на этнокультурном, правовом и политическом единстве народов, получила единое административное оформление. Система военно-народного управления Дагестана содержала в себе заимствования из модели государственного управления Имамата. Более того, был использован опыт тех, кто находился на службе у Шамиля: многие из них были назначены наибями, старшинами, депутатами окружных судов, письмоводителями и т.д. В целом, военно-народное управление соответствовало своему названию и целям удержания края в стабильности и спокойствии. К тому же дагестанцы получили более или менее понятную им форму правления. Полномочия назначаемых или выборных должностных лиц определялись законодательными актами и инструкциями царской администрации.

Ханства ко времени установления военно-народного управления представляли собой лишь подобие «самостийных» политических образований, так как более полувека находились под юрисдикцией империи. Формально население бывших вольных обществ находилось в том же правовом положении, что и остальное население Дагестанской области: та же система управления, что и по всему Дагестану, те же округа, наибства, участки, сельские и окружные суды и т.д. Тем не менее с былыми традициями «вольности» власти приходилось все же считаться (например, при определении размеров податей и повинностей, подборе и назначении над обществами наибов, старшин и т.д.).

Разумеется, после Кавказской войны в самых решающих пунктах власть и право были сосредоточены в руках царской администрации. При этом царская администрация все же пыталась приблизить систему управления Дагестаном к сложившимся в крае традициям внутреннего самоуправления.

Новая модель управления Дагестаном, как и всякая административная система, не могла удовлетворять интересы всех слоев дагестанского общества и, с этой точки зрения, была далека от совершенства. Тем не менее административное обустройство Дагестана в целом соответствовало традиционной системе управления и с точки зрения общественного спокойствия не вызывало особого беспокойства царской администрации. Возрождение самоуправления в рамках «военно-народного управления» привело к консолидации дагестанского общества, к дальнейшему подъему экономики и культуры народов Дагестана. Именно период после Кавказской войны отмечен стремительным подъемом ремесел, культуры и литературы, возрождением самоуправления. Можно смело утверждать, что вновь созданный административно-политический и правовой строй в Дагестане был по форме наиболее обогащенным и по сути наиболее гармоничным во всей империи. Более того, в таком формате «военно-народное управление» не имеет исторических аналогий и заслуживает подробнейшего изучения. Вероятно, что исторический опыт обустройства Дагестана, включая и николаевский период, будет иметь позитивное воздействие и на современные реформы самоуправления в их новой модификации.

– В 90-е годы XX века превалировал либеральный подход к изучению истории, vychивались права человека, индивидуализм, личная свобода. Термин «гражданское общество», который был изгнан из советского государственно-правового и политического лексикона, в эти годы был реанимирован. Как Вы к этому относитесь?

– Индивидуализированное общество – это тяжелая болезнь современного мира, симптомы которой очень точно описал британский профессор социологии Зигмунт Бауман. Речь идет о тотальном, нарастающем и подавляющем проникновении частного, индивидуальных интересов во все сферы общественной жизни: в политику, экономику, социальные, семейные отношения, в искусство, науку, мораль. Нигилистическое отношение к традиционным общественным институтам и ценностям, пропаганда идеи приоритета прав и свобод человека, отдельного индивида над правами и свободами общества, народа и т.д., – все это и есть идеологическое обеспечение индивидуализированного общества.

Из той же серии и утверждения о том, что в СССР не было гражданского общества. Для номинации того, что в советское время подразумевалось под мужскими и женскими ролями в семье и обществе, теперь используется модный термин «гендер». Но из этого не следует, что в советское время не было взаимоотношений полов. В СССР общества трезвости или филателистов не назывались, как теперь, институтами гражданского общества... Вопрос в критериях определения гражданственности общества, в социальной ориентированности («гражданственности») государства, в состоянии гражданского сознания.

В моем понимании гражданское общество – это когда

*«От Москвы до самых до окраин,
С южных гор до северных морей
Человек проходит, как хозяин
Необъятной Родины своей».*

– После распада СССР идеологии интернационализма, дружбы народов и концепции «единая общность советский народ» не была предложена реальная альтернатива. И сегодня мы пожинаем плоды того, что работа по вопросам межнациональных отношений в постсоветский период была отнесена на второй

план, а зачастую носила просто имитационный характер. Согласны Вы с этим?

– Согласен. Более того, в 90-е годы власть в лице Б.Н. Ельцина и «семьи» занималась ухудшением этих отношений. С 1990-х годов стали появляться проекты по обустройству Дагестана, в которых дагестанская идентичность рассматривается как нечто эфемерное, а взамен якобы «искусственно созданной государственности с географическим названием Дагестан» предлагается «вычленение» аварцев, кумыков, лезгин, даргинцев – «каждого в отдельности, в качестве самостоятельных субъектов Федерации». При этом изучение феномена общей идентичности в условиях языкового и этнокультурного многообразия, при всей научно-теоретической, а применительно к Дагестану и практической значимости данной темы, сводилось к подбору эквивалентных понятию «дагестанцы» терминов («дагестанская нация», «мегаэтнос», «суперэтнос» и т.п.).

– В современной России, как и в большинстве других стран, этническая и религиозная идентичности граждан взаимосвязаны. Часто религиозность является лишь дополнительным элементом этнической самобытности. В других случаях религиозная традиция, не отвергая этнокультурной самобытности верующих, тем не менее остается базовой идентичностью. В этом отношении можно говорить об этноконфессиональных отношениях?

– Я не очень понимаю смысл прибавки к конфессиональным отношениям приставки «этно» и сомневаюсь в том, что религиозность является элементом этнической самобытности. Под конфессиональной – в данном случае исламской, идентичностью можно понимать степень «соответствия» веры, сознания, образа жизни мусульман и тех, кто называет себя таковыми, основам и предписаниям, канонизированным Кораном и сунной. Детальное определение данного понятия позволяет выделить бесчисленное множество критериев и признаков исламской идентичности – от характеристик религиозного сознания и религиозных чувств до адекватности предписаниям ислама, отношения мусульман к самим себе и к людям иных вероисповеданий.

Дагестанцы, как и все народы, уважают в себе и в других чувства человеческого достоинства.

Они щепетильны, когда дело касается чести фамилии, репутации сельской общины (джамаата), личностей, прославивших Дагестан, и т.д. Традиции семейной и родственной солидарности, уважения к старшим по возрасту, соблюдение приличествующих полу, возрасту, образованию, социальному статусу, семейной гордости стереотипов поведения, – все это остается значимой и выразительной характеристикой поведенческой культуры дагестанцев. Уважительное отношение к отличительным особенностям и бытовым привычкам других обществ и народов – это традиционное и естественное состояние дагестанского общества. В восприятии дагестанцев барьеры межэтнического общения, если и существовали, то вовсе не в том понимании, в каком они трактуются современными специалистами по искусственной актуализации «межнациональных» отношений. Дагестанца обычно интересовала принадлежность того или иного незнакомца к определенному сельскому обществу, с тем чтобы определиться с языком общения. Кумыки спрашивали: «Гъайсы юртулу?» («С какого селения?»), аварцы: «Мун киса?», лакцы: «Чвасса ура?» («Ты откуда?») и т.д. Выяснить национальную принадлежность человека еще лет 50 назад считалось в Дагестане неприличным. В понятиях дагестанцев, традиционно считающих, как заметил Б. Далгат, «свое село лучше другого», сильно развито чувство престижа, репутации малой Родины. Живя в городах, дагестанцы продолжают сохранять, хотя и в трансформированном виде, джамаатское самосознание. Косвенным тому свидетельством являются такие непримечательные, на первый взгляд, вещи, как телефонные книги горожан – выходцев их одного села, района; вывески на коммерческих ларьках с названиями почти всех населенных пунктов Дагестана, не свойственное другим регионам России изобилие полуисторической беллетристики по отдельным дагестанским селам. Дагестанская сельская община относится к выходцам из своей среды, независимо от времени переселения за пределы села, места их проживания, социального или семейного положения, как к членам своего джамаата. Это означает, что односельчане обязаны участвовать в общественно значимых для села событиях: свадьбах, похоронах, празднике Ураза-байрам и т.д. Дагестанцы,

как и представители других северокавказских народов, должны «сообразовывать» поведение и действия с общепринятыми понятиями, традициями и обычаями. В них каждому, в зависимости от его родственных, соседских, кулацких отношений, пола, возраста, состояния здоровья, материального благосостояния и т.д., предназначена своя роль, определены нормы поведения в тех или иных случаях и жизненных ситуациях – будь то, например, свадьба племянника по отцовской линии или похороны бабушки по материнской линии. Идентичность этих и других компонентов бытовой и поведенческой культуры сложилась у народов Дагестана на протяжении многовековой истории.

– Считаете ли Вы одной из ключевых проблем в сфере межэтнических отношений слабую общероссийскую гражданскую идентичность, в том числе у северо-кавказской молодежи – при все большей значимости этнической и религиозной самоидентификации?

– Нет, не считаю.

– Сегодня появляется много учебников, где используются самые разноплановые источники. Как Вы к этому относитесь?

– Я бы этот вопрос переадресовал Министерству образования и науки РД. В 90-е и нулевые годы кто только не подвизался к этому делу. Теперь, насколько мне известно, стали серьезнее относиться к научной экспертизе учебников.

– В учебниках по истории России до недавнего времени Великой Отечественной войне отводили один параграф в 2-3 страницы, а некоторые «историки» дошли до того, что начали издавать книги, писать статьи, где черным по белому было написано о том, что СССР не выиграл Великую Отечественную войну. Эти же фальсификаторы писали, что якобы был придуман Александр Матросов, а недавно некий псевдолиберал Бильжо назвал Зою Космодемьянскую шизофреничкой и т.д. Стало модным сравнивать Сталина с Гитлером. Как Вы, профессиональный историк, относитесь ко всему этому?

– С профессиональной точки зрения здесь и обсуждать нечего. В советское время таких писаков называли «злопыхатели». Сколько было возмущений по поводу подобных выпадов! И ничего! Бильжо так и не прошел психиатрическую экспертизу.

– Где-то 15-20 лет назад стали открываться госархивы, в том числе спецслужб. Вспоминаю, какой резонанс имела моя публикация (извините за нескромность!) в «Махачкалинских известиях» мемуаров царского полковника Магомеда Джафарова. Это, на мой взгляд, эффективный способ противодействия фальсификации через широкое внедрение в научный оборот новых документов, в том числе рассекреченных, по истории нашей страны, нашей республики.

– Согласен. Так оно и есть.

– Согласны ли Вы, что увлечение тестами – как в школах, так и в вузах – приучает детей относиться к истории как к точным дисциплинам. Как же тогда научить их анализировать полученную информацию, давать оценки историческим событиям и явлениям и аргументировать их?

– В оправдание нововведений в образовательной сфере часто ссылаются на то, что объемы знаний, которые должны быть усвоены нынешними школьниками и студентами, возросли. Однако трудно понять, что реформы в этой сфере проводятся за счет сокращения учебных часов на гуманитарные дисциплины, формализованных, тестовых методик обучения.

– Какими вы видите взаимоотношения научной интеллигенции с властью?

– Научная интеллигенция призвана служить науке, а не власти. Это к тому, что настоящие ученые не заискивают перед властью, а помогают ей в решении актуальных задач развития регионов, страны.

Владимир Севриновский

ДЕРБЕНТСКИЙ НАРОД

ЦИТАДЕЛЬ

– В Дагестане признаны коренными четырнадцать наций. А я утверждаю: не четырнадцать, а пятнадцать. Мы, дербентцы, – особый народ. Для нас Дербент – единственный в мире город. Шахар, если по-нашему. На всем Кавказе еще ютились в крошечных аулах, а мы уже были горожанами. Даже Москва для нас – столица, но не город. Встречаемся на Садовом кольце и спрашиваем друг друга: «Когда ты приехал из Шаха?»»

Краевед Гусейн-Бала Гусейнов стоит у края смотровой площадки крепости Нарын-Кала и смотрит на Дербент. Гроздь домиков вспарывают волноломы двух древних стен. Напрыгивают скопом, пытаются повалить. Стены сердито щерятся трещинами, крошатся, но упрямо ползут к желтой полоске берега. Над городом вместо неба расстилается Каспийское море. Когда-то стены уходили высоко в него, словно зыбкие башни. Вдали бухта замыкалась на цепь, но волны не терпят оков.

– У нас было все, что нужно средневековому городу, – продолжает Гусейн-Бала. – Шахристан, где жили люди. Он прямо под нами. Рабат – пригород. Он был дальше, у моря. Мы стоим наверху. Это место называлось Кухандиз, по-русски – Цитадель. Здесь правители отгораживались от мира.

Мой спутник совсем седой, но все его зовут Гусейн-Бала – ребенок Гусейн. Это имя-прозвище перешло по наследству от деда, которо-

го тоже до глубокой старости звали малышом. В Дербенте такое никого не удивляет. Время здесь остановилось, расплавилось под жарким южным солнцем, растеклось по дереву, как на картине Дали. Столетия налезают друг на друга. Выходя из модного кафе, рискуешь поскольз-

нуться и провалиться ненароком в четырнадцатый век; неудачный поворот в лабиринте кривых улочек чреват встречей с веселыми джиннами. По крайней мере, сторож дядя Залым божился, что однажды увидел возле Нарын-Калы свадебные столы и чуть не подсел к пирующим. Но губы сами произнесли шахаду – и миг исчезло наваждение, так что и он, и джинны остались голодными.

Ветер треплет разноцветные ленты на дереве желаний. Дербент – узел ворот, гигантская ловушка в самом узком месте между горами и морем – каждого проезжего торговца заставлял пополнять сокровища Нарын-Калы. Но те же богатства обрекали его на разграбление. Бесчисленные завоеватели перехлестывали через стены, торопливо строили дома и молельни, а затем исчезали под очередной людской волной. Город-граница, город-ключ упрямо высился на краю цивилизаций и ни одной не принадлежал в полной мере. Древний Рим и Монгольская империя, хазары и персы, Россия и Азербайджан – государства вокруг меняются, а Дербент стоит как прежде, сочетая их в себе, но оставаясь собой. Мирно, почти ласково ускользал он из пальцев любых

властителей. Те чувствовали это и строили внутреннюю стену – между городом и крепостью. Когда трон шатался, она росла, когда стоял прочно, каменный вал разбирали. В советские времена преграда и вовсе стала невидимой.

– Со смотровой запрещали фотографировать Дербент, – вспоминает Гусейн-Бала. – Однажды проводил я экскурсию для иностранца. Вышел он к этим перилам, облокотился и протянул мне фотоаппарат. Что делать? Скажу, что нельзя, – международный скандал. Сфотографирую – нарушу правила. Щелкнул я его и побежал в КГБ. Мне потом сказали, чтобы я не беспокоился. Когда гость уезжал, работник органов встал рядом в аэропорту, поставил чемодан возле его багажа, нажал на кнопку и засветил пленки.

За площадкой, возле шашлычной, расставлены столы. Пирующие дрожат в вязком мареве. Кажется, произнесешь шахаду – и они тоже исчезнут. Недаром, по легенде, Дербент за одну ночь построил шайтан. Он отбивал хвостом кривые улочки, в спешке швырял дома друг на друга, да так, что и поныне вываливаются из них потроха-балконы. Это – город джиннов, я тут – всего лишь гость. В текучем чужом пространстве все карты бесполезны. Тайны города сокрыты не в них. Надо видеть, слышать и пить горячий чай с колотым сахаром. Не говоря ни слова и не оборачиваясь, я сбегая по крутой лестнице в лабиринт магалов, а джинны хохочут мне вслед и громко заказывают очередную бутылку коньяка.

МАГАЛЫ

Вверху были коричневая пальма и белый цветок. Под ними важные львы сжимали в лапах раздвоенные мечи Зульфикары. На спинах они держали два солнца. Над самыми воротами красовалась бледная бычья морда с обломанными рогами. Возле покрытого странной лепниной входа в дом восседала на крошечной табуретке огромная темноликая азербайджанка. В ее ладони просторно помещалась розовая книжка про любовь.

Магалы, хаотичные бесформенные районы старого Дербента, – самая большая загадка города. В них непоправимо искажено не только время, но и пространство. В эти улочки, как в реку, нельзя войти дважды. Они меняются сразу за твоей спиной. Пройдешь мимо смешливых девчушек, обернешься – и вместо них видишь мужчин. Они играют в нарды и пьют чай из дымящего старинного самовара – так степенно, словно кидают кости уже пару сотен лет. Разве что изредка уставший старик встанет из-за стола, и его место займет безусый юноша. Он знает – игра будет долгой.

В магальских двориках цветет священная айва, а грецкий орех считают грешным деревом, которое должны сажать не люди, а вороны. Мечети похожи на дачные веранды. У каждой есть хозяйин, который запирает ее на ключ, а рядом с михрабом громоздятся стеллажи с тарелками для больших праздников маленького района. Здесь гость – посланник Аллаха, каждый мужчина постарше – дядя, а женские перепалки на каменных завалинках длятся часами и похожи на поединки опытных рэперов. Здесь с гордостью выставляют на всеобщее обозрение бюстики Сталина и коллекции бокалов. Здесь процветает особый язык, и бараний шашлык на ребрышках, который в Махачкале окрестили пистолетами, мирный Дербент на французский манер именуется антрекотом.

Где-то в магальем нутре, словно надежное сердце, стучат барабаны мастера Демира. Для

дешевых он лихо закручивает железными зажимами фанеру, для догогих – дубовые планки:

– Звук у дуба совсем другой, но разница слышна лишь профессионалу. Дубовый барабан – это как скрипка Страдивари!

«Барабаны Страдивари» разлетаются по десяткам стран, но сам мастер редко покидает родной магал. Зачем? Ведь с крыши его дома виден весь мир – от цитадели до самого Каспийского моря.

Над дербентскими стенами и разноцветными баками с водой кружатся белые птицы. За ними, щурясь, наблюдает усатый Нияз – голубятник в пятом поколении. Вот стаю пронзает острый силуэт сокола. Каждый день хищник забирает двух-трех голубей, но Нияз принимает это как должное. Завтра из яиц вылупятся новые птенцы, и курлыкающая Принцесса придет на смену поверженной Королеве – так же, как на смену голубятнику придет его внук, с колыбели знающий, что он – седьмое поколение династии. На тысячи голубей Нияз каждый год изводит тридцать тонн зерна, а на скучные расспросы о доходах лишь пожимает плечами:

– Какое там! Голуби – это не бизнес, а болезнь.

Но его слова – только половина правды. В городе остановившегося времени даже запо-

нившая улицы торговля кажется мистическим ритуалом. Деньги, это порождение тикающих часов, здесь эфемерны, а птицы – реальны. А значит, вечный голубятник обречен изо дня в день подниматься над городом, распахивать дверцы и приносить жертвы остроклювым гостям с небес.

Эти ритуалы действенны, но не всеильны. XXI век медленно, по капле, просачивается в магалы, вытесняет обветшавшие столетия.

– Эх у меня внук отличился, – вздыхает старый дербентец. – Мы всей семьей полгода решали, на ком его женить, а он, словно москвич какой-нибудь, взял да и сам через интернет познакомился. Что за дети нынче пошли! Бабка собирается внучку отшлепать, а та ей судом грозит.

В районах, где исстари жили кланы или цехами – банщики, сапожники, – все чаще появляются таблички «Продам дом». Прежде об этом и помыслить не могли – закладку родового гнезда праздновали как свадьбу, а один из сыновей непременно оставался жить с отцом и наследовал дело. Но по-прежнему в крохотных пекарнях подрумяниваются булки-гогалы, не иссякает дым из самоварных труб, а шанс увидеть чудо выпадает лишь однажды.

Я кивнул на прощание важным глиняным львам и зашагал прочь, запоминая дорогу и твердо зная, что буду возвращаться в этот дом вновь и вновь. Но на следующий день его уже не было.

ДЖУМА-МЕЧЕТЬ

– Кто я? Да дворник местный!

Фархад сидит, скрестив босые ноги, под широким платаном во дворе мечети.

– Недавно ученые из Дагестанского научно-центра взяли пробу и сказали, что этому дереву восемьсот лет. А через два месяца столичные ботаники заявили, что ему – не больше трех веков. Представляете?

Я послушно киваю. Если в магалах слои времени давно смешались, почему в мечети должно быть иначе?

– По преданию, платаны посадили после землетрясения 1368 года. Чтобы вытягивать влагу, – деловито говорит дворник. – Тогда колонны покосились, а своды чуть не рухнули. Думали, мечеть придется заново возводить. Пригласили мастера Таджуддина ибн Мусу аль Бакуми. По-русски это Таджуддин Мусаевич из Баку. Они с сыном осмотрели кладку и решили: будет стоять, достаточно пристроить наклонную стену. И неудивительно – арабы трудились на совесть. Чтобы здание не оседало, котлован в VIII веке на шесть месяцев залили водой, и лишь затем возвели мечеть. Говорят, под одной из колонн зарыли клад. Но под какой именно, неизвестно, ведь на каждой было начертано: «Не у меня, а у другой колонны». Надписи давно стерлись, а сокровища так и не нашли.

– Вы не дворник, – уверенно говорю я.

Фархад весело сверкает шеренгой золотых зубов.

– Верно. Не дворник. Я – кассир. Знаете, какие в мечети богатства? Старинные котлы, в них по праздникам готовят плов. Самовары с медалями Парижской и Бельгийской выставок. Туляки умоляли продать, но нельзя – вакуф. К тому же, они нам самим нужны. На Курбан-байрам тут яблоку негде упасть. А в Ашуру и вовсе столпотворение! Поминают убиенного внука пророка Мухаммеда. Плачут, бьют себя цепями, режут кинжалами, а потом вместе пьют чай. Вечером тряпочкой с маслом раны протер – и к утру как новенький. Представляете?

Группа студентов медресе зазывает Фархада, и разговорчивый азербайджанец ненадолго отвлекается.

– А он и вправду кассир? – шепотом спрашиваю я у прохожего.

– Ну что вы! – машет тот руками. – Это лучший экскурсовод Дагестана.

Но вот мой собеседник возвращается и вновь обрушивает на меня всю мощь своего красноречия – про старинные бани и тяжелые мешки с вырванными глазами дербентцев, зарытые Надир-шахом под белым столбиком между платанами, про 1542 расстеленных здесь ковра и недавний ремонт. Тогда древние стены облицевали ровными плитами из вездесущего дербентского песчаника, из-за чего старейшая мечеть России снаружи кажется примитивным новоделом.

– Но почему? – восклицаю я. – Кто разрешил? Как вам не стыдно портить такую красоту?

Фархад пристально посмотрел на меня из-под густой монолитной брови, улыбнулся и чуть заметно пожал плечами:

– Мы двадцать лет просили государство отреставрировать Джуму, представляете? Но деньги то не давали, то разворовывали. Что нам оставалось? Богатый человек пожертвовал, сколько смог, и мы отремонтировали как умели. Иначе мечеть могла рухнуть.

Упреки застряли у меня в горле. Фархад был прав. Пускай чужестранцы лелеют минувшее в музеях. Заботятся о нем, снисходительно сдувают пылинки, а если и ремонтируют, то под старину. Но время не властно над дербентцами. Здесь прошлое еще не закончилось. Оно живет, растет

и не вмещается в музейную витрину. Человек, в наши дни покрывающий плиткой древние камни, рассуждает так же, как Таджуддин Мусаевич из Баку. Этнографы хватаются за сердце, а город смотрит на них с вечной улыбкой и пожимает плечами: вы обещали, но не справились. Тогда я залечил свои раны сам. Как всегда. Потому и стою здесь две тысячи лет.

– Извините, меня бог на свидание зовет, – говорит Фархад и скрывается в мечети.

Внутри – округлые своды, полки с кусочками священной глины из Кербелы и неумолчный гомон. Сунниты молятся вместе с шиитами, но в другом конце зала. Дворник-кассир-экскурсовод усаживается возле имама и нараспев читает по-арабски. Прихожане сосредоточенно ловят каждое слово.

После проповеди я подхожу к Фархаду:

– Кто вы на самом деле? Признайтесь уж наконец!

– Не все ли равно? – усмехается он. – Зови меня просто: работник мечети.

ЦЕРКОВЬ

– Приснилось мне однажды, что меня, мусульманина, крестят. Да так странно! Закутали в махровое полотенце, поставили на голову и давай воду лить, – рассказывает толстый горожанин, потягивая кофе. – Пришел я к батюшке, спрашиваю: что это значит? А он только рукой махнул: «Иди отсюда!»

В Дербенте переманивать паству не принято. Мусульманин может креститься только за пределами республики. Но в чужие храмы ходить разрешено. Городской блаженный, помощник муллы, порой расстилает коврик у алтаря церкви Покрова Пресвятой Богородицы и молится вместе с христианами. А на православные праздники соседи и вовсе валят гурьбой.

– На Рождество в храме больше мусульман, чем христиан, – судачат всезнающие бабули. – Здороваются, целуют батюшке руку. А на Крещение и вовсе толпой за святой водой съезжаются. Полдюжины пятилитровых баклажек берут. Купель по пять раз освящать приходится, иначе всю вычерпают.

Русские традиционно занимали нижнюю часть города, у самого моря. Приезжали на юг строить железную дорогу, развивать промышленность, учить в школах, да так и оставались – до самого распада СССР. В девяностые многие уехали. Поэтому прихожан у отца Николая мало. Он – из сунженских казаков, служит здесь уже четыре десятка лет.

– Завтра приезжает человек из епархии. Поведу его в мечеть и синагогу, знакомиться с коллегами. Айда с нами!

СИНАГОГА

Вечер пятницы. Во дворе синагоги – оживленный спор. Страсти кипят нешуточные. Надо понять, предал ли царя Давида Мерив, внук Шаула. Прошли тысячи лет, но для дербентских евреев это расследование актуальней любой газетной сенсации.

Горские евреи нередко отождествляют себя с татами – кавказскими персами. Хотя это и разные народы, в советское время правильный пятый пункт избавлял от множества проблем. Теперь даже язык свой они считают татским, хотя это диалект джуури, сформированный так же, как идиш или ладино, – скрещиванием иврита с местным, персидским наречием. А вот настоящие таты из-за этого на Кавказе почти исчезли – легко ли мусульманину, которого все принимают за еврея?

К Дербенту в полной мере относятся слова Губермана: «Евреев очень мало на планете, но каждого еврея очень много». Они здесь делают вино и пекут хлеб, устраивают музейные выставки и торгуют. Самая востребованная парикмахерская по субботам закрыта. А в остальные дни здесь с немыслимой скоростью щелкают ножницами два человека в кипах и талит катажах с кистями, к которым приходит стричься вся округа.

В городе их осталось около двух тысяч. В девяностые годы спустившиеся с гор банды почти выжили евреев из Дербента. Они не были анти-семитами, просто грабили тех, кто при деньгах. Евреи паковали чемоданы и уезжали с обжитых мест – в Москву, в Нью-Йорк, на Землю Обетованную. Дербентцы стараются забыть о лихой эпохе. Новая синагога просторна, в ней детский сад и музей. Но еврейская молодежь по-прежнему покидает родной город. Одни говорят, что пришли последние времена и бог собирает свой народ. Другие не хотят, подобно родителям, всю жизнь сидеть в крошечном магазинчике на краю страны.

Где бы ни жили евреи, они обрастают легендами. Дербент не стал исключением. Здесь рассказывают повесть о волшебном кранике.

Надумал как-то даргинец купить в городе дом. По счастью, друг-еврей эмигрировал и продавал все, что не помещалось в чемоданы. Но, невзирая на обстоятельства, цену он заломил немалую. Удивился горец. Тогда приятель отвел его в подвал. Там в таинственном полумраке нависала труба. Из нее торчал ловко врезанный крохотный краник. Повернул его хозяин дома, и хлынул оттуда первосортный дербентский коньяк. Обрадовался покупатель, заплатил сполна. На прощание хозяин предупредил: «Главное – не цеди слишком много. Пей умеренно». С тех пор жил даргинец припеваючи. Но, как это всегда случается в сказках, нарушил он запрет. Стал торговать коньяком, выносить его из подвала канистрами. Почув-

ствовали коньячные ифриты, что поток огненной жидкости оскудевает. А они и сами были не прочь на ней подзаработать. Сказывают, что стояла у них в отдалении цистерна с неучтенным коньяком, куда и вела заветная труба. Когда-то она была на территории завода, но однажды руководство предупредило, что завтра грядет особо суровая комиссия. Думали они, гадали, а потом нагнали рабочих, те за одну волшебную ночь разобрали часть заводской стены и вновь ее построили так, что заветная емкость оказалась снаружи. И вот теперь честно украденный продукт уходил у них буквально из-под ног! Прогневались ифриты и перекрыли трубу. Так и остался жадный даргинец ни с чем. Правда это или нет, никто не знает, но доподлинно известно, что порой под блеклым современным домом счастливый владелец обнаруживал древние подвалы или сводчатую старинную баню с глиняными трубами в могучей стене.

– Эй, привет! Заходи, пообедаем! – кричит, высунувшись из окна по пояс, прихожанин синагоги.

Дома у него еще один гость – закадычный друг-мусульманин, дочка на улице разучивает с соседями лезгинку. Ведь все они принадлежат к избранному народу – горожанам, жителям Дербента. Лишь одно отличие бросается в глаза. Двор горца сложно представить без боксерской груши, а тонкие, как тростинки, еврейские мальчишки в кипах предпочитают шахматы.

Певицу Жасмин тут вспоминают не иначе как Сарочку, первую красавицу Дербента. Гордятся ее популярностью и в то же время осуждающе ворчат на первого мужа: «Сделал ее звездой себе на голову. Она бы отличные супы варила, а теперь сама не знает, что хочет».

В зале под синагогой – прохлада. За длинным столом люди передают друг другу виноградины и дольки мандарина. Я не сразу понимаю, что попал на поминки.

– Можно сказать пару слов? – спрашивает седая женщина.

Председатель степенно кивает.

Она встает, тяжело опершись на соседний стул. Слова ее звучат с неожиданной силой.

– Я обращаюсь к тебе, дербентский народ. Нет для меня людей родней и ближе. Все мы – евреи, армяне, азербайджанцы, лезгины, русские – прежде всего, дербентцы. Одна семья. Наши народы можно разделить, поссорить, но нас не разорвать никакими границами. Когда страна рушилась, здесь в каждом храме молили: «Боже, храни СССР!» – и все отвечали: «Амен». Союз распался, нет и прежнего Дербента. Мой сын уехал за лучшей жизнью в другую страну. И лучшей не нашел, и свою потерял. Слушай, дербентский народ, о моем горе. Слушай...

БЕРЕГ

Летний полдень. Жизнь в Дербенте замирает. Ключот носом менялы на рынке, едва не роняя пачки купюр. Устало поникли драконы, подпирающие балкон на улице Ленина. Устраиваются поудобней лысые головы у них в лапах. Жмутся друг к другу белые голуби на мавзолее мудрой Тути-бике. Внутри в прохладном полумраке спит, положив голову на камень гробницы, кладбищенский гид. Его терзает жажда – с утра была тренировка по борьбе, а пить в Рамадан до заката запрещено. В тени могил сорока асхабов – мучеников за веру – блаженно щурится кошка. Дрему не в силах одолеть даже кондиционер в старинной чайхане. Здесь уже есть скоростной вай-фай, но женщин еще пускают с неохотой и просят спрятаться в кабинку. Мужчины кидают кости. Их нежно обвивает табачный дым. Город затих, призраки бывших армий отступили от старых стен. Надолго ли?

На берегу дети гоняются друг за другом, вздымая песок босыми пятками, – так же, как тысячи лет назад.

– Во что играете?

– В эфэсбэшников и хаббабитов, – деловито отвечает пацан с игрушечным автоматом. Выпускает длинную очередь по такому же загорелому до черноты врагу и бежит дальше.

Фото автора

Борис Бергер

АЛИСА. ПЕСНЯ ГОР

Если у человека есть настоящая родина, то самое лучшее, что можно сделать, – это отказаться от нее, потому что от того настоящего, что в ней есть, отказаться невозможно.

Приблизительно так размышлял о родине Франц Кафка, и эту мысль подтверждали своими жизненными историями многие известные творческие люди.

Но одно дело покинуть родину в поисках новых миров и приключений, а другое дело, когда это все происходит в детстве по воле судьбы или родителей. И чем тогда становится для нас родина? Географической точкой на карте? Просто словом? Или все-таки чем-то еще?

Мне думается, что есть нечто загадочное в том, как, где и когда человек появляется на свет. Мистика календарей и предсказания астрологов? «Место силы?» – как любил говаривать Карлос Кастанеда. Не знаю. Не решил. Об этом и будет моя история.

Юность моя пришлась на удивительное время робкой свободы. Умер Брежнев. Терять больше уже было нечего, и я, как настоящий герой ненашего времени, поехал из родного старого волшебного Львова на Кавказ – в поисках истины и приключений.

Прожив полгода в горах, в старом селе Уркарах, услышал я разговор про странную Песню Гор, что голосом ветра звучит так, что сердце стучит, если пешком в ночи идти по тропе в Кубачи...

Короче, дамы и господа, горы невыносимо величественны и прекрасны! Кавказ остается в сердце. Как и завещал великий Михаил Юрьевич.

Пришло время, и я спустился к побережью Каспийского моря, в город Махачкала, бывший Порт-Петровск, лежащий неподалеку от того места, где старый восточный джинн, пролетая, высыпал набившийся в остроносую туфлю песок, и возник бархан Сары-Кум, породивший самый великий мираж в истории кино – «Белое солнце пустыни».

В этом городе я женился, и через год у меня родилась дочь. Про нее и будет мой рассказ. Про дочь Алису и про то, с чего начинается родина.

Я положил жену на сохранение в пятницу, 23 августа 1987 года, и пошел покупать ванночку для купания малютки. После недолгих размышлений я выбрал чугунную ванночку за 8 рублей, а не пластмассовую за 26, что позволило мне сэкономить 18 рублей и купить на них 10 бутылок красного сухого, чтобы обмыть ванночку и снять нервное напряжение перед родами. Ко мне на помощь пришел Максим Гребешков-Гольденберг – музыкант, лидер группы «Поле Чудес», которая в тот момент была в Махачкале.

Чугунная ванночка оказалась очень тяжелой и очень большой, и поэтому было принято решение слить все спиртное в огромную хозяйскую компотницу. И мы наполнили до краев хрустальную бадью.

Квартиру мы снимали на улице Пугачева, и в этот ответственный момент ко мне в гости зашел Муслим Муслимов – покойный сын покойного директора «Дагэнерго».

Он зашел проверить, как идет подготовка к родам, и был удивлен.

– А как же вы наливаете? – строго спросил Муслим.

В ответ Макс, ухмыльнувшись, зачерпнул из хрустальной бадьи большой фарфоровой чашкой и молча протянул Муслиму.

Мусик остался доволен.

И вот в разгар этого напряженного ожидания рождения на свет нового человека мы рассуждали.

Я помню, что думал в тот момент, что детей мы рожаем из чистого эгоизма.

Дарим им жизнь.

Выпускаем в этот очень несовершенный, полный страданий мир.

Дарим им жизнь, обрекая на смерть.

Потому что так хотим.

Потому что хотим любви.

Хотим любить и хотим, чтобы нас любили.

Бескорыстно и сильно будет любить новое существо своих родителей.

Маленькое зависит от большого.

Так устроен мир, в котором мы хотим продлиться и любить себя в своем продолжении.

Весь этот бред прервал телефонный звонок из больницы в субботу утром.

Началось.

Я побежал в больницу.

Там, в приемном покое, я ожидал, волнуясь, в обществе огромного аварца, который тоже ждал результатов от своей жены.

Моя родила первой.

Точнее, это были не роды, а кесарево.

И каждые 10 минут мне сообщали о происходящем.

Спускалась медсестра и общала: «Разрезали». «Извлекают». «Обвитие».

– Кто? – не выдержал я.

– Девочка! Раздышалась! – радостно ответила медсестра.

– Лучше камень, чем девочка, – тихо сказал аварец, у которого уже было три дочери.

И в этот момент в мире стало на одного человека больше.

Я стал отцом. Мир изменился и наполнился необычайным смыслом.

Мы назвали ее Алиса, подразумевая, что страна наша полна чудес и кроликов.

Я помню, как кричал в истерике под роддомом, когда махачкалинская чиновница из загса отказалась дать нашей девочке двойную фамилию, сославшись на то, что для этого нужно, чтобы родители были знаменитыми.

– Мы будем знаменитыми! – кричал я пьяный и счастливый, и жене было за меня неловко.

И началась новая жизнь.

В течение месяца нас приходили поздравить толпы людей.

Это был непрекращающийся праздник.

Кафе «Причал», в котором я когда-то работал грузчиком, прислало продуктовые дары, включая мясо, отрезанное от куска, предназначенного для самого директора ТоргМорТранса. Мы накрыли стол и начали принимать гостей.

Поздравить приходили: Магомед Магомедов и пол его театра, Намруд Басриев и пол его театра, Путерброты, Бройтманы, Бачинские, Чейшвили, Муслимовы, Гарунов и Магатова, Тимур Сулейманов с Юлей Ивановой, Шамиль Гасанов с друзьями, Стасик Петлинский, Миша Краковский, Мурад Ильясаджиев, друзья из училища имени Джемала, и даже Боря Гребенщиков, ко-

торый со своей командой в это время тусовался в Махачкале и собирался давать тот единственный концерт «Аквариума» – это вспоминают до сих пор. Режиссер Русского театра Лелянова и ее муж Данилевич, актер того же театра, учили нас купать ребенка. Алёна Иванова – жена Муслима, и её дочь Пепа были первыми нянями и сиделками. И всем им, этим людям, мне хочется крикнуть через годы: «Салам!» Потому что в этом мире хаоса самое ценное – это островки сентиментальной привязанности,

на которых живут наши близкие и родные...

Где вы, друзья!

Где вольный ваш припев?

Еще вчера, за столик наш присев,

Беспечные, вы бражничали с нами...

И прилегли, от жизни охмелев!

Месяц мы отмечали рождение Алисы, и закончилось все грандиозным праздником под нашими окнами – в соседнем дворе Марина Матаева выходила замуж, и «Лезгинка» заиграла! Был невероятный праздник с танцами и песнями.

А через год приехал в гости мой двоюродный брат Игорь.

Он был уже крутым бизнесменом и, посмотрев на махачкалинскую жизнь образца 1987 года, спросил:

– А сколько вы еще собираетесь тут жить?

– Ну, вот Алиса начнет ходить, – невнятно забормотал я в ответ.

– Ходить? В школу? – спросил брат.

И через два месяца мы уехали во Львов – начинать новую активную жизнь.

Во Львов Алиса попала, когда ей был один годик, и пошла в украинский садик, а потом и в школу, изумляя и радуя старых бендеровцев своим чистым

украинским языком, который они никак не ожидали услышать от черноволосяй узкоглазой девочки.

И росла Алиса в старинном городе Львове в удивительное время путчей и ГКЧП в атмосфере любви и свободы, в золотых лучах заката старого мира.

В 1995-м мы уехали к моим родителям в Германию, и Алиса поступила в гимназию. В результате сегодня родным языком для нее стал немецкий. По-русски она еще говорит, а вот украинский уже только понимает. А я...

Какие-то польские ученые в шестидесятые годы вычислили, что по уровню психологического стресса эмиграцию можно приравнять к нескольким годам в концлагере. Теперь я понимаю, что они правы. Да – одиночество, да – язык, да – чужой мир, и сетчатка глаза не узнает привычные очертания любимого и начинает бесконечно слезиться, и многое другое, иное, тоскливое и несчастное, неразличимое в сумерках... Впрочем, и сумерки тут другие.

И я не выдержал и уехал в Москву. И работал там. Был художником – делал выставки и перформансы и показы моделей, работал политтехнологом (выигрывал выборы), а потом строил свое издательство «Запасный выход» и издавал хорошие книги внутри Садового кольца.

Я жил тогда на Ленинградском проспекте в писательском доме, в квартире Андрея Георгиевича Битова, которую он мне любезно сдал во время нашей совместной работы. Большая просторная квартира, этажом выше Фазиль Искандер (до сих пор должен ему ножницы и отвертку), этажом ниже Белла Ахмадулина. С торца дома была Клиника головной боли доктора Вейна.

Алиса приезжала ко мне на каникулы. Мы много гуляли по Москве, по выставкам, клубам, тусовкам, по той удивительной Москве на стыке тысячелетий. Потом дома вместе готовили ужин и смотрели кино и мультики. Как-то к Алисе пришла ее младшая двоюродная сестра Лена, и они усадились смотреть мультфильм «Покахонтас». Обе девочки: и Алиса, и Лена – наполовину кореянки – были удивительно похожи на героиню мультфильма из какого-то племени американских индейцев.

И вот там такой момент. Покахонтас говорит главному герою, красавцу-блондину, приплывшему на корабле из чужой страны: «А можешь ли ты спеть Песню Гор голосами ветра?» И герой растерялся. И тут Алиса говорит Лене: «А я знаю такую песню, я родилась в горах!»

Лена, конечно, удивилась, но и я тоже. «Откуда ты знаешь?» – спросил я.

«Мама рассказывала, что я родилась в Махачкале, и я очень хочу туда поехать, ведь там моя родина. Есть же такое слово – Родина?»

«Есть такое слово», – ответил я и весь вечер рассказывал ей про Дагестан. Про Уркарах, в котором жил, про Махачкалу, про то, как вкусно есть зеленые яблоки, сидя в порту на старом деревянном причале и бросая огрызки в воду.

Через неделю я провожал Алису в Германию из Шереметьево-2.

Вместе с Алисой летел мой друг русский писатель Слава Курицын, и я был очень рад, что девочка летит не одна, и в аэропорту мы выпили.

На паспортном контроле выяснилось, что у нее просрочен паспорт.

Это был немецкий путешественный паспорт. Алисе 13 лет. Все это вызвало подозрение, и тамошняя решила разобраться, что к чему. Что это за маленькая узкоглазая девочка с немецким паспортом. Курицына пропустили, а Алису задержали и устроили допрос.

– Кто ты, девочка? – спрашивает строгая тамошница. И напряжение ее голоса театрально растет от спокойного до почти истерического крика в конце допроса.

– Я – Алиса Бергер-Мун.

– Кто ты по национальности?

– Вы не смеете задавать ребенку такие пошлые вопросы! – начал акцию защиты и протеста пьяный русский писатель Курицын, и менты увели его в сторону.

– Я наполовину кореянка, наполовину еврейка.

– Где ты живешь?

– В Германии.

– А почему?

– Мы там живем, у меня вид на жительство.

– А тут написано, что ты гражданка Украины...

– Да, я гражданка Украины. Раньше я жила во Львове.

– А почему же тут стоит штамп Махачкалы?

– разоблачительно визжит тетенька.

Алиса совершенно спокойно, с европейской улыбкой смотрит тетке в лицо своими восточными глазами.

– Потому что я там родилась – это моя родина. Знаете такое слово – Родина? Знаете Песню Гор, которую поют голосами ветра?

Русские учителя в Дагестане

Журнал «Дагестан» принимает участие в проекте Патимат Геличовой «Русские учителя в Дагестане». Мы публикуем рассказы и воспоминания о тех молодых девушках, которые приезжали из российских городов в незнакомый им Дагестан, чтобы дать горским детям знания.

Жемилат Ибрагимова

«Я ЖИВУ, ЧТОБЫ МЕНЯ ЛЮБИЛИ»

Она принесла в этот мир добро, свет ученья и любовь, покорила горные вершины и сердца всех людей, когда-либо встречавшихся на ее пути. «Я живу, чтобы меня любили», – с этими словами гордо и энергично по жизни идёт русская учительница Людмила Ефимовна Ляпина (Магомедова).

Людмила Ефимовна родилась в ноябре далекого 1936 года в Ставропольском крае. Мама – ветеринарный врач Клавдия Белова – часто переезжала из села в село, из совхоза в совхоз, иногда и дочери вместе с ней. Однако большую часть времени маленькая Мила с сестрой Валей проводили со своей бабушкой – казачкой Прасковьей Артамоновной. Долгое время семья жила в ауле в Карачаево-Черкессии, где их и настигла война.

Война... слово-то какое страшное – ещё страшнее ее реальность. Много воспоминаний из детства Людмилы Ефимовны связано с днями Великой Отечественной войны.

– Мы жили в ветеринарной лаборатории, когда пришли немцы. Нас выгнали из дому и согнали во флигель, где жили 13 семей. А до этого одни бомбежки были. Помню, по звуку определяли – немец-

кий летит самолет или советский. Если немецкий, то мама гоняла нас с сестрой в окопы прятаться. А мне интересно бывало, что там – сверху? Как-то высунулась, гляжу – все поле в огне, и я со стра-

ху обратно. И всякий раз, как выживали, мама говорила: «Ну, доченька моя, не смерть нам была сегодня». После немцев земля вся в осколках была – ничего ни посадить, ни вырастить нельзя было. Только копнешь, а там железо. Да и сами немцы ничего из съестного не оставляли. Все забирали. Лишь однажды, под Новый год угостил меня капитан печеньем галетным, которое в рот возьмешь – таяло. За угощение меня дома прозвали «предательницей», – вспоминает Людмила Ефимовна так, будто вчера всё происходило.

Оккупацию пережить удалось, а вот дальше оказалось тяжелее. Клавдию Белову посадили по доносу на 8 лет – за то, что не уехала из оккупированного Воронцово-Александровского.

– Она ведь ветврачом работала, акты выписывала, ежели со скотиной что случалось – вот кто-то злобу и затаил. Помню, пришли люди в черной форме и сказали: «Вы арестованы». Как гром прозвучало. Как это? Маму! Ведь все доброе

во мне от мамы! – рассказывает Людмила Ефимовна.

Живший в Махачкале дядя девочек – главный инспектор рыбоохраны и рыболовства Григорий Кузьмич Белов – забрал их вместе с бабушкой к себе. Летом 1944 года Мила впервые оказалась в Дагестане, и в сентябре пошла в школу. Во многом ей помогала жена дяди – выпускница женской гимназии для дворянских детей Евгения Сергеевна.

Свое махачкалинское детство и школьные годы Людмила Ефимовна прекрасно помнит:

– Все 10 лет училась тут, сначала в 4-й школе, которая тогда на Оскара находилась, где сейчас спортшкола, а потом в женской школе №13 – той самой 13-й школе на Чернышевского. Там же, со мной и подруга училась – Нина Сомова, с которой мы вместе с первого класса и по сегодняшний день. Из учителей хорошо помню Дору Илларионовну – добрейшую женщину!

По словам Людмилы Ефимовны, она была самой тихой в классе, но её все время толкали на ответственные работы, с которыми она в итоге успешно справлялась. По выходным Людмила ездила к маме – дяде Григорию удалось уговорить перевести ее в колонию в Шамхал, после того как она лишилась слуха.

– Когда умер Сталин, в 1953-м, мы все так рыдали, тяжелой утратой считали. А сейчас думаю, как так? Ведь при нем мама от звонка до звонка сидела в тюрьме. Ее пытали. О голову стул разбили, чтобы выбить показания. А сестре медаль не дали за то, что мать сидела.

Окончив школу в 1954 году, Людмила поехала в Ставрополь – поступать в Институт иностранных языков – изучать французский и немецкий языки. Уехала с твердым намерением не возвращаться больше в Дагестан и не выходить туда замуж. Но по распределению снова попала в Дагестан – сама выбрала. В тот год институт уже перенесли в Пятигорск, а студентов распределяли только по Северному Кавказу – Чечня, Калмыкия, Кабардино-Балкария.

– Ну кого я знаю в Чечне или в Калмыкии? Подумала, уж лучше в Дагестан, где мои родные жили.

Тем более, тётя в министерстве образования работала, могла подсуетиться и подобрать подходящее, теплое местечко в городе, а не в каком-нибудь ауле, куда всех вынуждали ехать. Пошла я в министерство, и мне предлагают Ботлих. Я спрашиваю, почему Ботлих? Где это вообще? А мне отвечают: «Ботлих – это второй Париж». Да я и в первом не была, не надо мне туда. Мне, если можно, выберите место, где по-русски говорят, где есть русские, – вспоминает Людмила Ефимовна.

Молодой учительнице предложили ехать в только что сданную типовую восьмилетнюю школу на острове Чечень, где жили русские – староверы. Добираться до острова пришлось долго и тяжело: сначала на автобусе, затем – на боте, с которого пересела на лодку и, наконец, на берег. Школа и вправду оказалась новой, но не прошло и месяца работы в ней, как Людмилу Ляпину вызвали в районо в Махачкалу. Обрадовавшись тому, что нашлось место в городе, Людмила Ефимовна не так мучительно перенесла обратный путь.

Как оказалось, никто за родственницу не суетился. «В Кумторкале большой контингент учащихся, не хватает учителей иностранных языков», – заявили в районо, которое в те годы находилось в Махачкале Первой. Людмиле Ляпину ничего не оставалось, как вновь собираться в дорогу. Село Кумторкала располагалось у горы Сарыкум. Добираться нужно было на поезде.

Уже в поезде молодая учительница заметила, что никто не говорит по-русски, а надо было преподавать иностранный.

– Я до того просила всё переводить мне с кумыкского на русский язык, что в классе был случай, когда мальчик представился именем «Отруби». На мой вопрос, что это за имя, остальные ученики хохоча сказали, что зовут его Гебек, а в переводе звучит как «отруби», – вспоминает она.

Проработав год учителем немецкого языка, Людмила Ефимовна осталась и на следующий. Перед началом нового учебного года нужно было завершить ремонт в классах. И вот в один из дней, когда учителя белили кабинеты, вызвали завуча – оформить нового учителя химии.

– Я спрашиваю – красивый, молодой?

– Нет, старый и седой, – отвечает мне завуч, подруга моя.

Ну, про себя думаю, зачем мне этот старый седой нужен, и продолжила белить. Вот за этого старого седого и вышла в итоге замуж, – рассказывает Людмила Ефимовна.

Аварец Пахрутдин Якубович Магомедов был и вправду седым, но совсем не старым – всего на 7 лет старше Людмилы. Чтобы завоевать сердце красавицы, в которую влюбился с первого взгляда, писал ей письма на немецком. Людмиле хотелось ответить взаимностью, но она понимала, что родные не примут, и всякий раз вспоминала

наставление дяди Григория: «Делай что хочешь, только «балшой шапка» в дом не приводи». А сама говорила Пахрутдину, что есть жених, на что он отвечал: «Я жениха убью, и тебя убью, и себя убью». Сопротивляться дальше не имело смысла, и в конце концов, было решено пожениться.

«Своих я беру на себя», – сообщил Пахрутдин в письме возлюбленной. Отец посоветовал парню не горячиться с решением и подумать, а мама, наоборот, торопила сына, пока тот не передумал. – Видимо, ее, как верующего человека, зацепило то, что я приняла ислам, – комментирует поступок свекрови сама Людмила Ефимовна.

Вместе с мужем наша героиня проработала в Кумторкалинской школе ещё год. В 1963 году чету направили в Богатыревку, где Людмилу Ефимовну назначили завучем, а спустя год ей поступило предложение стать директором восьмилетней школы в родном ауле её мужа – селении Сиух Хунзахского района ДАССР.

– Прилетели за 5 рублей на кукурузнике за 35 минут. Двое маленьких детей на руках. Я думаю: ни языка, ничего вообще не знаю, какой из меня директор? Всё это время школой руководили потомки аварского хана. Они своими силами восьмилетнюю школу там построили. Последние классы надо было в Арани оканчивать, – делится Людмила Ефимовна.

Приняли русскую невестку хорошо. Свекровь сразу полюбила ее – как оказалось, больше собственного сына. Женщина дожила до 99 лет, и даже пережила своего Пахру. А когда сын умер, жалела, что недодала ему любви. И в этом она нашла утешение у своей любимой невестки, которая была рядом с ней до конца.

«Не человеком рожденная, скинутая с небес», – называла она меня. А звала не иначе, как Аминат. Понимали друг друга с полуслова, – говорит Людмила Ефимовна.

С большим уважением приняли Людмилу Ефимовну и ученики. В школе обучалось всего 53 человека. В 1971 году восьмилетнюю школу закрыли, и осталась начальная, в которой Людмила Белова проработала завучем и преподавала аварский язык детям.

– Да-да! Именно аварский – учащимся первого класса. А на каком ещё с ними говорить и обучать их чтению? – смеётся Людмила Ефимовна. – Муж шутил: «Я женился на тебе с корыстной целью – хорошо знать русский язык, а ты взяла и выучила аварский!» Язык выучила ещё в Богатыревке: часто к нам свекор со свекровью приезжали. Наверное, много чего неправильно говорила, но ни один человек не смеялся над моим произношением. Моя коллега Екатерина Кожемяка преподавала русский и литературу вместе со мной – она стеснялась говорить на аварском, а я нет. Я говорила: главное, они меня понимают.

Бывало, что Людмила Ефимовна замещала литературу детям и переводила на аварский язык «Евгения Онегина» и другие произведения классиков.

– Я же вижу, что они не понимают его, а так хотелось, чтобы поняли. И какой у них интерес появился! Хотелось любовь к литературе привить, – говорит она.

Преподавая уже французский язык, Людмила Ефимовна читала ученикам в последние 10-15 минут урока «Графа Монте-Кристо», например, или ещё что-то из французской литературы. Но делала это лишь в том случае, если все из детей были подготовлены к уроку и отвечали хорошо. Несдобровать было тому, кто не подготовился, если из-за него все остальные пропустят очередной отрывок из «Графа Монте-Кристо». И это только один из методов, которым учительница стимулировала учеников к учебе, опробованный сначала на собственных детях. А детей уже было пятеро: один сын и четыре дочери.

– Мама старалась привить любовь ко всему на своих уроках, – рассказывает дочь Людмилы Ефимовны. – Помню, приобщила наш класс к КИД – клубу интернациональной дружбы. Мы написали письмо в «Пионерскую правду» и через газету нашли друзей по переписке в Болгарии – в городе Тор-

гович. Посылки получали, посылали туда чарыки, бурки – да всё высылали. Папа даже крейсер «Аврору» из дерева выстрогал. Ёлку, помню, к Новому году выслали, но на таможне были проблемы, и весной получаем ответное письмо: «В марте мы праздновали Новый год с вашей ёлкой!»

– Как же радовались простые селяне, колхозники, когда их дети выступали на сцене! Не передать эти чувства, – говорит Людмила Ефимовна.

Активно в деле заведования школой Людмиле Ефимовне помогал её супруг Пахрутдин Якубович – педагог от Бога – химик, биолог и географ. Всей семьей включались Магомедовы не только в учебный процесс, но и культурную жизнь села: проводили не только литературные мероприятия, но и вечера химии, биологии, викторины на разные темы, спектакли в клубе.

– Как же радовались простые селяне, колхозники, когда их дети выступали на сцене! Не передать эти чувства, – говорит Людмила Ефимовна.

Много фактов о Сиухе удалось узнать благодаря краеведческому кружку, организованному в селе Пахрутдином Магомедовым. По словам Людмилы Ефимовны, дети собирали информацию у своих дедушек, бабушек, а ей удавалось всё это литературно оформить.

Более 30 лет посвятила учительница 13-го класса Людмила Магомедова-Ляпина Сиухской школе, проработав в ней до отъезда из аула после кончины близких людей – мужа Пахрутдина в 1992 и свекрови в 1994 году. Все эти годы жизнь села была сосредоточена вокруг школы. До сих пор выпускники Сиухской школы с гордостью и теплотой вспоминают дружную семью Магомедовых, уроки Людмилы Ефимовны и Пахрутдина Якубовича, праздничный борщ на Пасху и Рождество, а также уютные вечера у первого в селе телевизора в их доме. Двадцать последних лет Людмила Ефимовна живет в Махачкале и дарит тепло собственным детям, внукам и правнукам, пять раз в день моля Всевышнего об их здоровье.

История с «Минутой славы», в которой Владимир Познер и Рената Литвинова оказались главными антигероями, вызвала целую волну публикаций. Почти все они с призывами наказать, распять, уволить и еще как-то воздействовать на ведущих программы, посмеявшихся обидеть девочку, спешную взрослую песню и сказавших танцору сампутированной ногой, что ему следовало бы «пристегнуть ножку».

И за этим праведным возмущением осталась незамеченной проблема – не только Рената, мы все просто не знаем, как правильно вести себя с инвалидами. Даже сейчас, набирая по буквам слово «инвалид», я теряюсь, я не уверена, что правильно и корректно

обозначила эту категорию наших сограждан. Может быть, нужно было написать «люди с особенностями» или еще как-то? Так вот у нас нет культуры отношения к таким людям, мы оказываемся застигнутыми врасплох и либо заискиваем перед ними, либо злимся на них. И, по сути, за всей этой предупредительностью стоит одно – уйди ты с глаз моих, ради бога! Да, мне жалко тебя, жалко, но я не знаю, уместно ли показать это, мне неуютно с тобой рядом. Я не могу определить, где тебе что-то должен, а где – нет, и не могу вести себя естественно! Лет семь назад я испытала все это на себе.

Светлана Анохина

НЕВИДИМЫЕ ЛЮДИ

Я так и не привыкла к тому, что НЕ ТАКАЯ, что мне нельзя гулять, танцевать, быть довольной жизнью, мне нельзя быть агрессивной, интересной, веселой и сексуальной. Мне положено быть скучной, домашней, с заискивающим взглядом, я не должна требовать, я должна покорно просить, и ждать, когда мне дадут.

А в аптеке мне сделают пандус, потому что мое место там, в аптеке, и мои лекарства от этого мира – не бокал мартини со льдом, и уж тем более не суши и мохито, мои лекарства носят сложные латинские названия и продаются в аптеке. В той, в которой мне сделают пандус, – мне и таким, как я.

Все это написала в своем блоге Катя Демина. Девушка, которая еще подростком попала в аварию и с тех пор прикована к инвалидному креслу. Девушка, которую не пустили в ночной клуб Нижнего Новгорода, чтобы те, кто пришел туда оттянуться и развлечься, не расстроились. История эта как-то сильно зацепила многих. Вон в Москве устроили акцию, и разные люди, в том числе «богатые и знаменитые», уселись на коляски и попытались немного, хоть пару часов, пожить в чужой шкуре. Попытались и мы. Недолго – час и сорок три минуты.

В 9.00 во дворе РГВК нас уже ждала машина, а в ней два новеньких, нулевых инвалидных кресла. Для меня и для депутата НС РД – Ахмеда Пирмагомедовича Азизова. Правда, он не знал, что именно нам предстоит. Поставили перед фактом. Надо отдать Азизову должное – не сосался на неотложные дела, только вздохнул тяжело и полез в машину. Снимать решено было в Каспийске. Город компактный, все тут близко. Сценария никакого не было, и плана тоже. Мы просто наметили несколько мест, куда может понадобиться заехать человеку в коляске. Причем ограничились минимумом, договариваться о прыжках с парашютом (Катя Демина, например, прыгает с парашютом) не стали. Безнадежное дело. Только аптека, банкомат, поликлиника, гастроном, разные социальные службы. Я еще настаивала на парикмахерской, книжном магазине и интернет-кафе. Азизов поначалу воодушевился и предлагал разыграть целую историю, как двое колясочников – он и она, пытаются устроить свидание, скажем, на берегу моря. Он по пути заезжает за цветами, она – прикупить парфюм или косметику.

Так вот, если и был в наших разговорах и идеях какой-то неделикатный игривый тон, то все разом закончилось, когда мы выгрузились на главной площади Каспийска и уселись в свои кресла. Все стало очень серьезно. Передние колеса упорно не хотели ехать прямо, они застревали в каждой выбоине в асфальте, сворачивали в сторону, и любой порожок высотой даже в 5 см становился препятствием. И

пусть вас не вводят в заблуждение пандусы: без серьезной тренировки въехать по ним – дело неосуществимое. Ладно я, со своими слабыми женскими руками, но и Азизов, мужчина не хилый, не сумел, а всего-то там – около полуметра. И даже вниз – страшновато, кажется, сейчас перевернешься. Мало того, переехать дорогу – еще поддела. Иногда оказывается, что на противоположной стороне прямо впритирку к пандусу припаркована машина. А водитель ушел. И никак без посторонней помощи не обойтись. И никак без посторонней помощи не въехать по крутым ступенькам в поликлинику – хоть с парадного входа пытайся, хоть с черного, через внутренний дворик. Так что визит к стоматологу – это сложное путешествие, которое надо загодя обговаривать с родными. Стоматологи же на дом не ходят!

Признаюсь сразу, играли мы не по правилам. Во-первых, все-таки лето на дворе – то есть, ни луж, ни снега. А во-вторых, нам помогали Рустам и Артур. Толкали кресла, когда у нас с непривычки уставали руки. Вкатывали вверх по очень нарядному, но слишком крутому пандусу. Помогали переехать через узенькую трубу, которая с обеих сторон преграждает проезд к городской администрации. И все равно Азизов, притормаживая, сорвал кожу на ладони.

А если бы игра велась всерьез, по всем правилам, так даже выехать из дома мы не смогли бы. Я, например, живу на 7-м этаже, и в последний

раз лифт в моем подъезде не работал около недели. То есть, в условиях, приближенных к реальности, только для того, чтобы выбраться из квартиры, мне понадобилась бы помощь двух сильных мужчин. А если выезжать надолго, то нужно еще надеть этот... памперс для взрослых. Потому что не только специально оборудованных, но и обычных общественных туалетов в городе нет. Так что меня больше не удивляет, что на улицах не видно людей в инвалидных креслах. Они есть, но они невидимые. Они сидят в четырех стенах и просто не имеют физической возможности попасть туда, где гуляют здоровые, веселые люди.

Кстати, о людях. Люди – они хорошие. Пожилая женщина, в одной руке держа сумку, попыталась другой подтолкнуть кресло Азизова, хотя и видела камеры телевизионщиков. Какой-то мужчина замучился смотреть, как я пытаюсь перебраться через бордюр, перевез меня. Так что люди – хорошие. Только им неловко. Им не по себе, когда они видят человека в инвалидном кресле. Они стараются не смотреть тебе в глаза. Парень в магазинчике, где продают телефоны, миглом побежал договариваться в соседний магазинчик, чтобы Ахмеду Азизову закинули

единицы. Девушки в парикмахерской были готовы внести меня по ступенькам на руках вместе с моей коляской.

Но ни о каком «мы такие же, как все» и речи быть не могло. Ты – снизу вверх просишь об одолжении, но с долей вызова, мол, попробуй-ка мне, инвалиду, отказать. Они – сверху вниз и с готовностью помочь, потому что чувствуют вдруг вину за здоровые руки и ноги. А чувство вины – непрочный фундамент для того, чтобы выстраивать нормальные человеческие отношения. Оно рождает внутреннее сопротивление, протест, и как только инвалидов на улицах станет больше – маятник

качнется в обратную сторону. Они станут раздражать, как раздражает все, требующее твоего внимания, – нищие пенсионеры, например. Помочь ничем не можешь, разве что сумку поднести, и злишься, потому что жалко безмерно. Ну а на равных мы пока не умеем. Для того чтобы на равных – нужно с детства расти рядом с такими детьми, видеть их в садике, в школе, в университете, на работе. Любить их и злиться на них не за то, что они в колясках, а потому что они люди. Такие же, как и ты, или не похожие на тебя.

А если это сейчас еще нереально – пусть будет хотя бы пандус, нормальный, не скользящий пандус на въезде в библиотеку, музей, многоквартирный дом, школу, банк, стадион, аптеку, кинотеатр, магазин, ресторан, больницу, пляж. Чтоб невидимые люди перестали быть невидимыми.

Телеведущая Зарема Гасанова в «Зоне влияния», где показывали этот сюжет с нашим мытарством на колесах, предложила вариант, как изыскать средства. Отказаться, например, от проведения дня города, с его оскорбительным в наших убогих условиях размахом. И вот на эти деньги, может быть... А пока еще одна цитата из блога Кати Деминой:

Может, лет через 40 общество не будет взирать свысока на сидящих, а оттого невысокого «роста» людей. Только тогда мне будет уже все равно, я буду смотреть на это с легкого облачка на небесах, и радоваться, что в этой стране это наконец-то стало возможным. Но сейчас все-таки хочется зареветь. Потому что, в первую очередь, я девушка, а потом инвалид – с правами или без.

ТАКИЕ РАЗНЫЕ КЛАССИКИ

Влада Бесараб

Единственное, что дает мне право писать о Сраждине Батырове и Юрии Николаеве в одной статье, так это то, что их выставки проходили в Дагестанском музее изобразительных искусств им. П. Гамзатовой в одно время. И это не было каким-то специальным музейным проектом, просто так совпало, что выставку живописи, посвященную 25-летию со дня смерти выдающегося ногайского художника, заслуженного деятеля искусств Дагестана Сраждина Батырова «Элгезер» открыли в то время, когда в соседнем зале экспонировалась графика Юрия Николаева, ушедшего от нас в декабре 2016 года. Хотя нет, объединяет их еще и то, что они не были дагестанскими художниками – ни по происхождению, ни по сути. Но, волею судьбы, жили и работали в нашей республике на протяжении многих лет. И это замечательно, это потрясающе, когда за одно посещение музея можно увидеть настолько разных авторов, что, кажется, будто ты не переходишь из зала в зал, открыв обычную дверь, а случайно распахиваются врата времени, открывается портал, и в одно мгновение из детства ты переносишься в старость, а вместо зеленых горных долин видишь вокруг раскаленную степь. И наоборот. И в этом великая сила искусства.

ЭЛГЕЗЕР

Не обязательно знать ногайский, чтобы понимать, что означает это слово: «элгезер» – «странник». Не обязательно быть искусствоведом, чтобы понимать, что, коли уж Сраждин Батыров называл себя так, то в этом загадка и разгадка его творчества. Хочется написать «в этом ключ», да вот только замка к нему нет. Как нет стен в степи и дверей в ногайских юртах. Искусство Сраждина для понимания довольно простое: называется картина «Кактусы» – и перед тобой действительно кактусы; «Из детства» – ногайские дети играют на сельской улице;

«Две колхозницы» – утомленные жарой, молодые ногайки на минуту прервали работу, чтобы перевести дух; «Портрет домбристки Абубекеровой» – сурово глядит на зрителей старая женщина. Крепкая, профессиональная реалистическая живопись – все понятно. Но Батыров не на наше понимание рассчитывал, не к разуму взывал. Его искусство нужно почувствовать. Поймать взгляд домбристки Абубекеровой, вздрогнуть и осознать, что глядит она вовсе не сурово – скорбь читается в ее взгляде, потому что некому ей передать свою домбру – не интересны молодым песни предков.

Двадцать лет назад, когда со дня смерти Сраждина Батырова прошло совсем немного времени, главный исследователь его творчества, искусствовед Татьяна Петенина привела в своей статье такие строки из его дневника: «Вы слушали песню домбры, вы слышали, о чем она поет? Вы только прислушайтесь, и услышите звуки степи, ржание и храп коней... Как велика любовь к Родине и к народу! О мой жалкий и

С. Батыров. Из детства

бедный народ! Скажи мне, где твое настоящее, где твоя красота, где твое прошлое, скажи мне? О мой народ, зачем ты забыл душу домбры? Ведь пройдет год, пройдет пять, и не станет на земле песни домбры, песни души...». Я не ногайка, но мой народ тоже беден и жалок, потому что тоже забыл душу своей «домбры». «Он явился на землю с особой миссией, путь его был предначертан свыше, и он шел по этому пути до конца, подчиняя все главной цели – пробуждению самосознания своего народа», – пишет Петенина.

В степи нет дорог, но предки современных ногайцев не сбивались с пути. Странник, вечный путник Сраждин видел свой путь отчетливее, чем девочка Элли дорогу из желтого кирпича. Он не шел по нему – мчался, бежал, летел, даже полз, когда совсем уже не было сил. Он – первый профессиональный художник среди ногайцев, должен был рассказать всему миру и о последней домбристке, и о последней верблюдице. Точнее, картина называется «Зов верблюдицы», но очень часто и зрители, и даже сами музейщики называют ее «Последней верблюдицей». Потому что чувствуют, что на ее зов

С. Батыров. Албаслы

С. Батыров. Ливень воспоминаний

уже никто не откликнется, она одна в этом бескрайнем степном космосе.

Батыров был не только художником-живописцем. Он тщательно собирал, как материальные свидетельства ногайской культуры – предметы быта, изделия прикладного искусства (и сам, кстати, мастерски владел традиционными ремеслами: валял войлок, шил, вышивал, резал по дереву, работал с кожей), так и остатки нематериального наследия – старинные песни и мелодии (сазы), сказки, легенды. Батыров сумел восстановить даже старинные танцы ногайцев, ставшие основой репертуара созданного им ногайского фольклорно-этнографического ансамбля «Айланай». Разумеется, артисты выступали в костюмах, сшитых по его эскизам и часто им самим, – он был и руководителем, и хореографом, и костюмером, и солистом, и администратором ансамбля. Очень обижался на замечания, что «Айланай» пора бы обновить репертуар, поставить что-то новое, возражал: «Это традиционные фольклорные танцы, а не сценические номера, это наша классика!».

«Благодаря подвижничеству Сраждина, были возрождены танцы астраханских, крымских, кубанских, дагестанских ногайцев, – пишет Р. Шугаипов. – Сраждин добился, чтобы уникальные фотографии (местных и саратовских ученых), малодоступные в текущем архиве

Астраханского краеведческого музея, но прекрасно отразившие жизнь ногайцев Нижней Волги на изломе 20-30-х гг. XX века, были скопированы и стали известны всем ногаеведам. По их мотивам подготовил он и ряд собственных иллюстраций. А триумфальный тур его любимого ансамбля «Айланай» по ногайским сёлам Астраханского края в сентябре 1989... пробудил национальное самосознание здешних жителей».

Я намеренно не останавливаюсь на посмертном портрете поэтессы Кадрии кисти Батырова, который на любой выставке невозможно не заметить. Принято говорить, что «она была его музой». Это неверно, это низводит их отношения до бытового уровня, принижает их. Они были двумя путеводными звездами для своего народа. А для него она была той самой «танг чолпан», указующей путь. С ее трагической гибелью рухнули не просто общие планы, общие проекты. Сломался сам Батыров. Смотреть на его автопортрет «В огне» без слез невозможно. Он прыгает в огонь к ней, за ней – своей убитой ласточкой, пытаюсь перетянуть на себя хотя бы часть той нечеловеческой боли, которую она чувствовала в последние минуты своей жизни. Страшная картина, обжигающая. Но этот жар необходимо чувствовать, ее необходимо видеть, чтобы понять свое собственное место на ветвях «Мирового древа».

Данная выставка в ДГМИИ закончилась. На ней была представлена лишь часть творческого наследия Сраждина Батырова, которое бесконечно, как космос. Логичнее было бы употребить сравнение «как степь», но Элгезер пересек степь и вошел в историю искусства не как «первый профессиональный ногайский художник», а как ногайский художник космического масштаба.

С. Батыров. В огне

ственной жизни республики. В 1963 он стал членом Союза художников, а в 1964 (в возрасте всего 24 лет!) написал свою программную картину «Свадьба в ауле». Почти сразу она попала

Ю. Николаев во время работы над картиной «Свадьба в ауле»

ДАР ДАГЕСТАНУ

Художник Юрий Николаев не из «дагестанских русских», он родился в Ростове-на-Дону в 1940 г. Но во время Великой Отечественной войны семья эвакуировалась в Махачкалу. Вот уж действительно: не было бы счастья, да несчастье помогло. Кто знает, кем стал бы Николаев, не окажись он в Махачкале и не пойдя в изостудию при городском Доме пионеров, где тогда преподавал незабвенный Дмитрий Акиндинович Капаницын. Умел он заразить своих учеников любовью к искусству и раскрыть их природные способности. Вот и Юрий Николаев видел себя только художником.

После школы он поступил в Художественное училище имени М.Б. Грекова в Ростове-на-Дону, по окончании которого вернулся в Дагестан и стал активным участником художе-

в фонды ДМИИ, где хранится и сейчас; часто экспонируется на различных тематических выставках – как в самом музее, так и на других площадках. Николаев много ездил по Дагестану, писал этюды и делал зарисовки в горах. Сцены из горской жизни, уникальная архитектура горного Дагестана, предметы быта, и, конечно же, люди – десятки, сотни рисунков, в которых запечатлен для нас живой, теплый, простой и безыскусный родной Дагестан.

Но основным видом творческой деятельности Юрия Филипповича, принесшим ему всероссийское признание, стала книжная графика. Началось все с сотрудничества с Дагестанским книжным издательством, где он блестяще оформил ряд книг. Как-то сложилось, что в основном это были издания для детей. Сказки русских и зарубежных авторов, сказки народов мира, среди которых и нежно любимые дагестанские – излюбленная тема творчества художника. Его иллюстрации нравятся детям, но при этом их высоко оценивают профессионалы.

Он не раз становился дипломантом международных конкурсов книжной графики и во времена СССР, и позже. Так, оформленная Николаевым в 2006 году «Большая книга лучших сказок Шарля Перро» признана Ассоциацией книгоиздателей России лучшей детской и юношеской книгой года. Живописные полотна и графические листы Ни-

Ю. Николаев.
Кавказский пленник

колаева находятся в музеях России и за рубежом. В библиографических справках его обычно называют «московским художником», в столицу он переехал в конце 80-х и был востребованным автором до конца жизни. Юрий Филиппович ушел от нас в декабре 2016 года. До последних дней общался по телефону с сотрудниками ДМИИ, где в 2015 году состоялась его большая выставка. Видя неподдельный интерес, который проявили музейщики во главе с директором ДМИИ Салихат Гамзатовой и вся художественная общественность республики к его творчеству, Юрий Филиппович передал в фонд музея более 600 своих работ, созданных в

разные годы. Щедрый дар щедрой души. Более 60 работ из этого поступления представлены сегодня в ДМИИ на выставке, посвященной памяти заслуженного художника Республики Дагестан Юрия Николаева. Он, к сожалению, не успел узнать о том, что вошел в историю изобразительного искусства с этим почетным званием (указ был подписан за несколько дней до смерти художника).

Создавая иллюстрации к детским книгам, Николаев никогда не пытался заигрывать с детьми, привлекать их нарочитой яркостью, внешними эффектами, чем грешит абсолютное большинство современных книжных художников. Он не рисовал антропоморфных зверушек: при всей сказочной условности животные

Ю. Николаев. *Дагестанские народные сказки*

на его работах всегда остаются собой. Тут Николаев является строгим последователем русской школы книжной графики. Удивительно точно (опять же, несмотря на необходимую условность и ограниченные формой и размером книжной страницы, расположением текста возможности композиционной выразительности) Николаев передает особенности жизни народа, литературу которого иллюстрирует – будь то террасная архитектура дагестанских селений, двухколесная арба, используемая на наших узких горных дорогах или узнаваемый пейзаж Ксанского ущелья (для одноименной книги южноосетинского писателя Сергея Хапчирова).

Если иллюстрации для детских книг Николаев создавал в технике акварели, как нельзя лучше подходящей для этого, то рисунки к толстовскому «Хаджи-Мурату» выполнены им пером и тушью. Жесткие прямые линии, контраст черного и белого соответствуют самому характеру главного героя повести, подчеркивают его негибимость, прямолинейность, готовность идти до конца.

А для оформления романа «Одинокий всадник» казахского писателя К. Караманулы Юрий Филиппович снова берется за акварель, и при помощи точно найденного соотношения двух цветов и математически выверенного угла наклона линии горизонта достигает не-

Ю. Николаев.
Хаджи-Мурат

соответствуют типографским возможностям, например, или формату книжной страницы. Николаев, будучи большим мастером, об этом всегда помнил. Не случайно выставка вызвала

Ю. Николаев. Книга «Три подарка» Н. Юсупова

большой выразительности. Его всадник действительно одинок, затерян в песках, которые дышат зноем, и его одиночество отражается в высоком беспощадно-синем небе, без единого облачка, которое дало бы хоть надежду на тень.

Помимо эскизов, особую трогательность которым придают карандашные авторские пометки, на выставке представлены и собственно книги. То есть, зрителям предоставлена уникальная возможность не просто оценить авторский замысел, а сравнить его с уже готовым продуктом. Ведь художник может придумывать себе все что угодно, но грош цена его фантазиям, если они не

соответствуют типографским возможностям, например, или формату книжной страницы. Николаев, будучи большим мастером, об этом всегда помнил. Не случайно выставка вызвала большой интерес у совсем молодых художников, студентов отделения графики художественно-графического факультета ДГПУ, которые несколько раз приходили в музей вместе со своим руководителем, заслуженным художником Дагестана Юсупом Ханмагомедовым. Учиться на примере живых работ куда интереснее, чем по учебникам.

Выставка графики Ю. Николаева «Дар Дагестану» продлится до начала апреля.

**Фотографии
предоставлены
ДГМИИ**

Тимур Магомаев

Море вокруг

Окончание. Начало см. в № 2 за 2017 год

5.

Чёрная надувная лодка качалась на волнах и сулила приключения. Муртуз, закадычный друг Хаджимурада, сидел в лодке и веслом отталкивал её от камней, боясь, как бы чего не вышло. Лодка была чужая, одолженная Муртузом до конца дня. Ему порядочно надоело ожидание, солнце стояло в зените, и нужно было скорее отчаливать, если они хотели вдоволь порыбачить в море. Хаджимурад с братьями опаздывали, и Муртуз вздохнул с облегчением, когда, наконец, увидел всех троих.

– Вы чё так долго? Вот вы даёте! Мне же лодку нужно возвращать, она не моя. Мы такими темпами ничего не поймает. Хаджик, ты не мог собрать их нормально? Этот, – показывая в сторону Булата, – наверное, спал как всегда. Давайте сюда вещи, ну!

– Не наловим рыбу, так искупаемся, да же, Тага? – подмигнул Хаджимурад младшему брату.

– Ну-у-у... да, – нерешительно ответил Тагир. – Но зачем тогда червей копали, всё это с собой тащили?

– Это ты копал. Не мы же! – засмеялся Булат. – Чего только не сделаешь, чтобы тебя с собой взяли. И посуду помоешь, и червей накопаешь... Да же, Тага?

Тагир, не ответив, отвернулся. Он привык к подколкам братьев, которые иногда были довольно жестокими, но сейчас он еле удержался, чтобы не нагрубить старшему брату. Не любил, когда над ним так шутили, тем более – в присутствии сухопарого Муртуза, который почему-то пользовался уважением и любовью поселковых пацанов.

– Что рожу скривил? Давай лезь в лодку, – прикрикнул Хаджимурад на Тагира. – А ты рот прикрой, Булат. В следующий раз ты будешь червей копать. Тут такое дело, если много пон-

туешься, потом за это платишь. И никак иначе! Что мне постоянно воспитывать вас приходится? Надоело уже. Вечно грызётесь. Нас и так мало, и кроме твоего брата тебе никто не поможет. За братьев нужно держаться, а не базарить друг с другом. Муртуз! Вот тебе хорошо – ты один, нет у тебя братьев таких, не капают они тебе на мозги, не каркают под руку, как вороны. Ух, опять уеду. Надоело.

– Опять зайцем на товарняке? Чтобы машинист опять тебя под Буйнакском снял и избил?

– Ну, это было давно. А теперь пусть только попробует... Есть у меня одно новое средство на таких кабанов. У Ибры из Кизляра заказал. Во-о-т такой длины! Настоящий, с заточками и кожаными ножнами. Рукоятка деревянная, правда, но зато в руке чётко сидит. – Хаджимурад рассёк воздух импровизированным ножом и заулыбался, польщённый реакцией братьев и Муртуза, которые заворожённо смотрели то на него, то на руку, в которой было зажато невидимое оружие. – А до этого вообще до Ставрополя доехал. Месяц там жил на скотоферме. Знаете, в чём кайф? Утром работаешь, в сене лежишь, помогаешь мясу грузить иногда или ещё какую-нибудь работу делаешь – что поручат, а вечером едешь в город. Ка-а-йф. Знаешь, какие там девочки? Ммм... Конфетки-кокетки. Уютю. Не жизнь, а удовольствие. Вырасту, перееду туда. Вот увидите!

– Так и переедешь? Друзей бросишь? Ну и давай, вали! Только завоёванные тобой медали я себе заберу, так что не отмазывайся потом. Я их уже забил для себя. Что я тебе не друг?! Так что давай, не жмись! – Муртуз хоть и говорил в шуточной форме, но таким тоном, что сомнений остаться не могло, – он близко к сердцу принял даже отдалённую мысль о возможном переезде друга в другой город.

– Так ты друг, а они – братья, так что... сам понимаешь...

Муртуз, нахмурившись, посмотрел на Хаджимурада. Ярко светило солнце, но лицо Муртуза как будто потемнело, а на лбу пролегла многозначительная складка. В лодке, которая скользила по морской поверхности, ведомая Булатом, повисла неловкая тишина. Её нарушало только неуклюжее шлёпанье вёслами по воде. Чувствовалось, что гребля не входила в число навыков, которыми мог бы похвастаться мальчик.

– Ладно-ладно, – решил разрядить ситуацию Хаджимурад, почувствовав настроение друга. – Что-нибудь придумаем. – А потом, не сдержавшись, как на духу, толчками выдавил из себя: – Чё ты напрягся, дурень! Отдам-отдам, но за приличную цену. Я их своими потом и кровью добывал. Конечно! А ты что думал? Мне уже несколько раз предлагали их продать. Пацаны на всё готовы, чтобы порисоваться, прихвастнуть своими спортивными подвигами, хоть сами из себя ничего не представляют. Блин, мода на понты пошла страшная. Вот и ты туда же. Ладно, отдам! Повесишь себе на стену, или на грудь, но она мала будет у тебя, братка, – так что даже не знаю. Качайся, в общем... Хочешь, штангу подарю, или гантели? – И Хаджимурад, набрав пригоршню воды, брызнул на Муртуза.

Сначала, будто проглотив смешинку, загоготал Булат, а потом, заразившись, словно получив официальное разрешение, засмеялись все. Мальчишеский хохот, как поток, сметающий всё на своём пути, разрушил неловкость, надуманные обиды, и снова вдохнул радость в морскую экспедицию юной команды, чья лодка всё дальше отдалялась от каменной косы и берега.

Булат, раздухарившись и поймав ритм, загребал всё лучше. Вёсла то взмывали вверх, то погружались в воду. Рядом с Булатом, опустив руку за борт, полусидел-полулежал Тагир. На носу лодки, держа марку, важно сидели Муртуз и Хаджимурад. Они напоминали Тагиру морских царьков, которым не хватало только трезубца и ожерелья на шею, чтобы сходство стало стопроцентным. Царьки то и дело многозначительно переглядывались друг с другом.

– Чётко гребёшь! Как профессионал! – с гордостью сообщил Хаджимурад младшему

брату. – Мы тебя такими темпами на олимпиаду отправим.

– Ага! Гребец из Дагестана приплыл последним, а потом гонялся за соперником с веслом! – сказал Муртуз и расплылся в улыбке.

– Чтобы не быть последним, соперников нужно побеждать до начала соревнований! – веско добавил Хаджимурад. – Либо вообще не соревноваться, если не уверен, что победишь.

– А как же – «главное не победа, а участие»? Не катит уже?

– Отговорка для слабаков. Не по-нашему это, братишка. Рвать надо, грызть, если придётся, но быть первым. Я так привык. Ненавижу слабаков и трусов, а ещё больше неуверенных в себе, тех, кто довольствуется малым. Мне нужно всё! Разве тебе не нужно? Ты готов быть неудачником и брать что дают? Что скажешь, Тагир?

– Да-да, конечно, Хаджик! Ты по-любому прав! Победа или смерть! Так ведь говорили гладиаторы в древнем Риме?

– Так-то так, но ты, похоже, не до конца понимаешь, о чём речь. Все в фильмах и книжках живёшь. Но ничего, мы это поправим как-нибудь. Эххх, вот всё вам нужно вдалбливать, просто так не понимаете...

– Да я всегда готов. Мамой клянусь! – сказал Тагир и, выпятив грудь, несколько раз в шутку ударил в неё кулаком.

– Э-э-э, ещё раз мамой поклянись – язык оторву! Чахпай и в Африке чахпай! – махнул на младшего брата Хаджимурад и, пряча улыбку, отвернулся.

Тагир, довольный, что стал частью морского приключения, как в романах любимого им Жюль Верна, счастливый и беспечный, облокотился на борт надувной лодки. Водная гладь, как масло, обтекала лодку и лоснилась под солнцем. Иногда она проносилась мимо дрейфующих островков морского мусора, состоящего из водорослей, мелких деревяшек, пакетов и пластиковых бутылок. Однако это почти не портило впечатления. Вода была чистая и прозрачная. Цвет воды менялся от настроения облаков, которые проплывали над головой и неслись наперегонки с лодкой.

Синим, зелёным, стальным – таким попеременно был цвет глаз Каспия в день, когда ребята решили выйти в море. Жадный взгляд

Тагира блуждал по всему горизонту, искал, на чём остановиться, но сталкивался с прищуром Хаджимурада, после чего тот, обычно уверенный в себе, почему-то отводил глаза и начинал смотреть вдаль.

Чайки-хохотуньи парили над головой, то затихая, то вскрывая тишину своим почти человеческим и оттого казавшимся зловещим смехом.

Не обращая внимания на братьев, забывая про море, расстилавшееся перед ним, грезя наяву, Тагир, как добродушный хозяин, отпускал свои мысли на свободу, и они летели как птицы, не останавливаясь ни перед чем. Скользили по зеркальной поверхности Каспийского моря, сливались с воздушным потоком и вихрем проникали в школьные классы и женские раздевалки, в кафешки и кинозалы на вечерние сеансы, футбольные площадки, вились, повторяя повороты горной речки, в которой друзья-сельчане купались до синевы на губах. Вечером же, когда горы закрывали солнце, а тени начинали расти, сельские ребята собирались в райцентре и играли в волейбол. Мысли стопорили лето, давали ему передохнуть, поразмыслить над своим поведением и стать лучше, ведь у лета нет права на ошибку. Все знают, что нет ничего прекраснее лета и молодости, которое его питает. Лето – ничто без молодости. Лето и есть молодость.

Тагир, как и положено младшему, молчал и наслаждался каждой минутой. Уговорив братьев взять его с собой, он пребывал в состоянии легкой эйфории. Все казалось ему исполненным большого значения, откровением, которое непременно нужно будет потом пересказать своим друзьям. Как и Тагир до этого момента, они никогда не ходили в море без ребят повзрослее. Таща на буксире свои надежды, они искали попутного ветра и благословения судьбы, но никто не брал их с собой. Подростковые мечты, вскормленные рассказами старших, висели упавшими на безветрии парусами и ждали с моря погоды. И вот, наконец, удача расплылась в улыбке...

Представлять, как все будут смотреть на него, новообращенного, завернутого в легенду, сделавшего шаг навстречу бессмертию, было до того приятно, что Тагир зажмурился и не заметил, что Булат перестал работать веслами, и лодка резко начала сбавлять скорость.

Открыв глаза, Тагир оглянулся. Вдали желтел буёк-неваляшка, оставшийся за кормой уже как несколько минут. Стало вдруг как-то неуютно и тоскливо. Чайки все так же смеялись своим карикатурным смехом, а солнце жгло шею, решив выбрать только одно место для своей атаки. Береговая линия с пляжем, железной дорогой и пятиэтажками над ней стала очень маленькой, будто выпала из детского игрушечного набора. Гусеницей полз поезд с сидящими в раскаленных вагонах пассажирами, которые ближайшее время будут вести купейно-плацкартную жизнь с однодневными простынями, заварными пакетиками, очередью перед титаном и вечерним променадом по уставшим перронам, прожившим свою очередную жизнь.

Казалось, что там – на пляже, в домах и вагонах, повсюду, но только не здесь, не в лодке, происходит сейчас что-то важное и уже безвозвратно упущенное. Захотелось вдруг вернуться и проверить, так ли это. Вдруг незаконченные дела немым укором всплывут потом, когда уже будет поздно. Когда исправить ничего нельзя – все застынет в вечности, неизменное и неизменённое.

Лодка остановилась и покачивалась на волнах. Пляжный галдёж, съедаемый расстоянием, едва слышался. Голоса сотен людей на пляже доносились до ребят в виде отдаленного гула, сквозь который иногда прорывался чей-то острый и резкий вскрик, который тотчас же затухал. Море гасило любой шум – как с берега, так и с лодки.

– Э-э-эй! Люди! Братва! Мы здесь! – сложив рупором ладони, прокричал Булат. – Мы тут, эй! Слышите?! Эгэгэгей! – замахал он руками так, что лодка начала покачиваться из стороны в сторону. Для балансировки пришлось расставить ноги на ширину плеч и слегка присесть. Враскорячку, как богомол, вытянув руки перед собой, он сделал несколько маленьких шагов к корме лодки, явно переигрывая и преувеличивая опасность оказаться в воде. Краем уха, позади себя мальчик услышал какую-то возню. Братья и Муртуз, по всей видимости, уже начали разматывать удочки и готовить снасти для рыбалки.

Булат развернулся, уже готовый шутиливо прикрикнуть на старшего брата, но вместо

этого в воздухе взорвался вопль, наполненный ужасом:

– Ааааа! Что вы делаете, уроды!! Отпустите! Нееет! Не хочу!!! Ааааа, блин... тормозите! Вы что, офигели! Хаджимурад! Ты что... отпусти... НЕ ТРОГАЙТЕ МЕНЯ!

Перед Булатом открывалась весьма странная и страшная картина. Хаджимурад обхватил сзади брата и пытался его приподнять, но Тагир вцепился руками в футболку Муртуза. Поначалу Муртуз помогал Хаджимураду справиться с младшим братом, но потом сосредоточился на том, чтобы отодрать от себя упиравшегося мальчика. Футболка натянулась и вот-вот должна была порваться.

В глазах Тагира читались испуг и безысходность. Хаджимурад был старше и сильнее – оба мальчика понимали, что исход борьбы был предрешен. Раздался треск рвущейся футболки, и Тагир оказался скрученным старшим братом.

– Тише, Тага. Не дергайся. Ну же, давай... Все быстро пройдет, и опомниться не успеешь, – пыхтел Хаджимурад.

Но Тагир по инерции в панике продолжал вырываться и кричать, покраснел от напряжения, матерясь на старшего брата, чего никогда раньше не бывало.

– Отпусти! Я тебя понял! Я больше не буду! Я сам! Я научусь! Не надо, пожалуйста!

Братские объятия, как и обычно, были очень крепкими. Лодка ходила ходуном и грозила перевернуться вместе с ребятами.

– Ну, ещё чуть-чуть, и всё!

Изловчившись, Хаджимурад резко развернулся вместе с Тагиром и наконец вытолкнул его за борт. Раздался всплеск, и Тагир исчез. Несколько секунд ничего нельзя было разобратить, но потом мальчики увидели, как он судорожно бьётся под водой.

Всё это время, пока продолжалась неравная борьба, Булат замороженно смотрел на борцовский поединок, происходящий на его глазах, не в силах ни пошевелиться, ни вмешаться, чтобы защитить своего младшего брата. Даже слова будто застряли в нём, столкнувшись с невидимой преградой, которая никак не хотела покориться. Слова, попав в ловушку, как вода накатывали на бетонную дамбу и бились не в силах преодолеть этот барьер. Булат, как

выброшенная на берег рыба, хватал воздух открытым ртом, старался прийти в себя и выдать хоть слово, но никак не мог совладать с собой. Негодование напрочь лишило его возможности говорить. Наконец дамба, сдавшись напору рвавшихся наружу слов, не выдержала, и на Хаджимурада с Муртузом обрушился каскад слов. Ругательства, чертыхаясь и спотыкаясь, навалились гуртом друг на друга, образовав справедливый поток негодования и злости.

– Вы что творите, придурки! Хаджимурад, вытащи его оттуда! Он же утонет, посмотри. У-у-у, бараны! Кто же так с братом поступает?!

– Ничего, захочет жить, поплывёт! Я же выплыл.

– Блин, футболку мне порвал, шакал тряпачный! – сказал Муртуз, осматривая нанесённый ему ущерб. – Как клещ вцепился!

– Его же не видно, смотри! – И Булат дёрнулся к краю лодки в надежде помочь брату.

– Тормози! Не трогай! Пусть сам попробует выплыть! Утонуть не дадим. Ты что, думаешь я... изверг какой-то? Брату дам умереть?! Давно хотел научить его плавать, а он ни в какую. Стыдно было перед дядькой тогда в Сулаке. Тага, как щенок был жалкий, вцепился в меня, боялся вывалиться. Трус! Не будет у меня такого трусливого брата. Сколько ему лет? А плавать до сих пор не умеет, позорит меня. И живёт у моря – хоть каждый день ходи. Чего не научился?! Давно пора! Пусть плывёт! Меня так же учили плавать. Ничего, живой, плаваю как ихтиандр. Смотри! У него начинает что-то получаться.

Там, под тонким слоем синей морской воды, как будто зависнув на одном месте, бултыхался Тагир. Вынырнуть у него не получалось, а судорожные взмахи руками под водой, казавшиеся плавными и лёгкими, не давали ему полностью пойти ко дну. В надежде вдохнуть, он неестественно вытягивал голову, но это не помогало. Огромные выпученные глаза, делали лицо неясным и расплывчатым, практически незаметным. Казалось, тонули только его глаза.

Лицо обрамляли пряди волос, которые, будто намагниченные солнцем, отчаянно тянулись вверх. Они смешно извивались вокруг лица и напоминали одновременно макароны и маленьких змеек – слепых, но стремящихся к свету. Как окаменевшие, ребята в лодке смотрели

туда, в морскую бездну, и кричали, стараясь помочь Тагиру советом, но тот, конечно, не слышал ни слова.

– Гребь! Шустрее! Активнее руками! Давай, ну же! Ногами, ногами работай! Борись! Не сдавайся! Во-о-от! Не так, ну же... Ещё-ещё! Мешок, блин!

Глаза стали исчезать, погружаться всё ниже и ниже – их стало почти не видно.

– Тащи его наверх! – спохватившись, крикнул Хаджимурад, и сам, не дожидаясь помощи, схватил весло и, вытянувшись, опустил его в воду, поближе к тонущему брату. Когда Тагир ухватился за весло, Хаджимурад начал подтягивать его к лодке, приговаривая: «Ну, ничего, ты у меня научишься плавать! Станешь мужчиной!»

Сначала показались руки Тагира с побелевшими от напряжения костяшками пальцев, которые как присоски впились в весло, а потом и его голова. Мокрые волосы, которые сильно отрасли за лето, вытянулись во всю длину и облепили лицо Тагира так, что его практически не было видно, – словно за занавеской. С него в три ручья текла вода, футболка прилипла к телу. Оказавшись в лодке, он сел, согнувшись в три погибели, как старик, которого придавила жизнь своей тяжестью и несправедливостью, и тяжело дышал. Загар его, казалось, потускнел и потерял в цвете. Ярко-красная кожа стала бледно-фиолетовой, как только набирающая цвет слива. Плечи и спина вздымались и опускались, из груди вырывался тонкий свист. Поникшая голова и опущенные плетью руки завершали образ человека, только что проигравшего главную битву, которая только может быть, – за жизнь. Тагир хрипел и отплевывался, но не двигался, застыл в одной позе. Сил хватало только для того, чтобы дышать. В это время Муртуз рассматривал порванную футболку, изредка поглядывая поочередно то на одного, то на другого брата. Хаджимурад молча сидел и лихо хрустел пальцами. Булат, немного успокоившись, то и дело нагибался и заглядывал Тагиру в лицо, спрашивал всё ли у него нормально, на что тот утвердительно кивал головой.

– Тебе надо было шустрее руками работать и ногами, молотить ими изо всех сил, – прервав своё молчание, заговорил Хаджимурад. – А можно, как лягушка, разводить ими в стороны,

отталкиваться вверх, понимаешь? А ты вокруг себя руками махал, как ниндзя какой-то... Ноги вообще не использовал. Конечно, так ко дну пойдёшь... Это никуда не годится. Я же тебе показывал сто раз, как нужно загребать. Блин... Это же нетрудно. Что ты тупишь – смотришь на меня, как баран на новые ворота?! Давай соберись!

Булат сочувственно посмотрел на Тагира. Мало того, что он только что едва не утонул, так его после этого ещё и отхлестали словами. Булату было жаль младшего брата, но в разговор вмешиваться не хотелось. Эта нерешительность передалась его телу – он поёжился и перевёл взгляд на Муртуза, который начинал раздражать тем, что жестами, мимикой и взглядом показывал, как он грустит о порванной футболке.

Сейчас было уже не важно, что скажет Булат. Его старший брат, сталкиваясь с трудностями, только сильнее упрямылся. Что-то в нём переключалось, и между ним и целью, которую он преследовал, лучше было не попадаться – перемелет жерновами своей воли, продавит своим упрямством, которое, как и всякая яркая черта характера, приносила ему порой как пользу, так и вполне реальный вред. Зная о своём нраве, он тем не менее не мог его контролировать, горько потом сожалел о том, что сказал лишнее или поступил опрометчиво, поддавшись искре негодования или гнева. Вот и сейчас Хаджимурад в очередной раз обжёг взглядом младшего брата, который поднялся со дна и присел на резиновый борт лодки.

Попрёки брата вернули Тагира к жизни. Времени, пока он сидел с опущенной головой, хватило для того, чтобы жизнь снова заструилась в венах. Щёки порозовели, дышать стало легче. Он оживал на глазах. Убрав волосы с лица и откинув их назад, Тагир презрительно смерил взглядом Хаджимурада. Плотно сжатые губы прочертила тонкая ломаная линия.

«А глаза у него снова нормальные, маленькие стали. А то совсем как циклоп был, бедолага», – подумал Булат, с интересом рассматривая брата. Трудно было угадать, какие мысли сейчас овладели им, но выражение его лица не сулило ничего хорошего. Даже слабое напоминание о только что пережитых страданиях вдруг исчезло.

Привстав, Тагир снизу вверх взглянул на Хаджимурада и с дрожью в голосе, сквозь зубы процедил:

– Не-на-ви-жу...

«Ненавижу», – хотел ещё раз крикнуть Тагир в лицо брату, но его возглас оборвался.

– Нена... – только и успел выкрикнуть мальчик. Хаджимурад неожиданно и резко двумя руками толкнул брата в грудь так, что тот снова вылетел за борт.

– Это хорошо, что ненавидишь! Теперь точно выплывешь! – крикнул вдогонку уже ничего не слышащему брату Хаджимурад.

6.

Прямо над головой Тагира тонкой плёнкой лежало море. С виду спокойное и безмятежное, оно скрывало от взгляда ребят схватку за жизнь, которая происходила под водой. Первые несколько секунд после падения Тагиру потребовалось осознать, что он опять оказался в воде. В голове пойманными птицами бились мысли о Хаджимураде, смерти и пропасти, которая зияла под ним. Положение, в котором он снова очутился, вызывало ужас и панику, забирало столь необходимую силу. Несмотря на отчаянную борьбу, первобытное желание остаться в живых, Тагир медленно шёл ко дну. Вода, тёплая наверху, внизу была жутко холодная. Он чувствовал носочками могильный холод бездны, которая находилась под ним. Ледяная вода, словно зарядившись электричеством, кусала его и заставляла ещё сильнее работать ногами, предпринимать отчаянные попытки вырваться из этого тугого и вязкого плена. Море, будто сети, окутало его и тянуло вниз, в свои чертоги, о которых он, единожды увидев, никогда и никому не сможет рассказать.

Там, где-то над ним, в другом, далёком от него мире, было светло и тепло, летали весёлые чайки, ходили по земле, разговаривали и смеялись люди.

Тагир видел над собой небо и солнце, которое как будто стало ближе, упало к самой кромке, и до него можно дотянуться руками, только лишь вынырнув, но вынырнуть не получалось.

От напряжения звенело в ушах, и голову будто сдавило железным обручем. Воздуха! Нужно немножко воздуха! Туда! Наверх! Новая волна страха захлестнула Тагира, который из последних сил грёб руками и ногами в на-

дежде хоть на секунду вынырнуть и украсть глоток воздуха.

Солнце изменилось, став вдруг далёким и практически недостижимым. Оно больше не тянуло его наверх, а нависало над ним, давило на него всей своей тяжестью. Перестав звать его, служить магнитом, оно вынуждало отвернуться от него, обратиться в бегство, сдаться тёмной синеве под ногами. В конце концов, всё закончится быстро – стоит только сделать вдох, и всё изменится. Глубокое море даст ему новую жизнь, предложит что-то другое, ведь просто так умереть нельзя. С ним-то это точно не произойдёт. Не может произойти. Сейчас... сейчас его вытащат. Что это? Рука или весло? Спасательный круг?

Каспийская фата-моргана манила его, кружила вокруг, создавая фантастические образы, которые мелькали и исчезали за сотые доли секунды. Свет над головой сжимался в кольцо, а после расплывался, сливаясь в одно сплошное яркое марево, будто солнце накрыло водную поверхность своей широкой ладонью, не давая места даже маленькой заблудшей тени. Из друга солнце превратилось во врага – холодного, расчётливо взирающего сверху вниз.

«Ну почему же они не вытаскивают меня! Хаджимура-а-ад!»

Мозг устал бороться, а руки и ноги из последних сил, как запрограммированные, работали, не давая ему раствориться во тьме моря, всегда готового принять любую жертву. Гостеприимная стихия каждый год сжимала в своих объятиях бесчисленное количество неумелых пловцов. Дети и подростки, юные испытатели жизни и собственных возможностей десятками засыпали в этих объятиях навсегда. А матери ходили вдоль берега и подолгу ждали – до сентября и дальше – в надежде, что объятия рано или поздно опостылят суровому Каспию, и тело ребёнка прибудет к берегу. Ветер-сердяга гнал облака и волны, неистово дёргая из стороны в сторону заранее надетый чёрный платок, – олицетворение материнской боли и смирения.

«А можно, как лягушка, разводиться ими в стороны, отталкиваться вверх, понимаешь?..»

В помутневшем сознании возник голос Хаджимурада, а потом и зелёная лягушка – уже мёртвая, на рельсах, дрожащих от приближающегося

поезда. И мальчишки, разбегающиеся в стороны, чтобы потом, когда поезд проедет, посмотреть на тёплую и ещё дымящуюся корочку, которая осталась от зелёной путешественницы.

«Как? Вот так? Или так?! Боже, я уже не могу! Помогите мне, ну же!»

Тагир выпустил последние остатки воздуха изо рта и, как пойманная на крючок рыба, забился ещё сильнее, одновременно размахивая руками и ногами под водой, как крыльями. Раз-два, раз-два. Тусклое солнце стало ярче. Кто-то снова красил его в золотистый цвет.

Раз-два. Раз-два. Ещё раз! Ещё немного! Лёгкие разрывались, а голову изнутри проверял на прочность чей-то таран, который с каждым разом бил всё сильнее. Бам! Бам! Бам!

Глаза застилала вода, и видеть что-либо перед собой становилось всё труднее. От нарастающей паники хотелось крикнуть, но тогда все закончилось бы в одно мгновение. Агония, заключённая в доли секунды. Вода ворвётся внутрь, обожжёт, сдавит, а потом разорвёт грудную клетку, сознание потухнет, и всё станет безразлично. Терпеть! Как же невыносимо засветило солнце! Или это вспышки угасающего разума, и сейчас наступят полный мрак и тишина?

Жиганул яркий свет, полоснул рапирой, оглушил его со всех сторон и ослепил. Мир вдруг стал наступать на него со всех сторон. Воздух ворвался в лёгкие, как только Тагир вынырнул на поверхность и сделал глубокий спазматический вдох, похожий на всхлип. Снова смеялись родные чайки, плескалось море, голоса что-то кричали, но разобрать слова не получалось, так как Тагир то и дело уходил под воду и снова появлялся на поверхности моря.

Всё чаще мелькала на поверхности его голова, неловко шлёпали по воде руки. Шумным, пыхтящим чудищем, отфыркиваясь от попадавшей в рот воды, Тагир грёб по направлению к лодке. Однако ближе она не становилась.

В ногах прибавилось тяжести, а на руках гирями повисла усталость. Алчное море не хотело его отпускать.

Так страстно желавший кричать под водой, звать на помощь, позабыв о мужской гордости, теперь мальчик не издавал ни звука. Потребность в этом отпала. Тагир забыл, что можно кричать или умолять братьев ему помочь. Всё

это исчезло, испарилось. Измождённый, наглотавшийся морской воды, он хотел только добраться до лодки, опереться о твёрдую поверхность, вцепиться руками в чёрную резину, в натянутый вокруг лодки трос, в Хаджимурада, во что угодно – только бы снова почувствовать себя в безопасности.

С момента, как Тагира снова выбросили в воду, прошла всего пара минут. Ребята увлечённо болели за Тагира и не заметили, как пролетело время. Азарт захлестнул их, как завсегдатаев соревнований, скачек или букмекерских контор. Время Тагира под водой, наоборот, текло медленно и вязко. Ему казалось, что прошла целая вечность. Секунды тянули за собой минуты, которые слипались, а потом таяли и умирали, растворялись в море и обещали Тагиру бесконечную борьбу за существование.

Недостигаемая лодка – мираж на поверхности воды – стала вдруг осязаема и материальна. Совсем рядом она надеждой качалась на волнах. Тагир видел Булата, который, поставив одну ногу на борт лодки, смотрел в его сторону, махал рукой, будто приглашая его, и что-то выкрикивал.

7.

– Смотри, у него получается. Красавчик! Давай ещё чуть-чуть! Хаджимурад, дай весло, я его вытащу. Ну, красавчик, братишка. Красавчик! Теперь вместе до буйка будем плавать, а может, и в Иран махнём, если сил хватит.

– А дядя Ваня с Первухи, знаешь, как плавает? Медленно, как будто в замедленном режиме. Морж, блин! Еле тащится, но не тонет. Железный, блин, мужик.

– Да оставь ты этого дядю Ваню в покое. Нашёл, кем восхищаться. Ему на кладбище уже прогулы ставят. И вообще, он не тонет потому, что худой, как тарашка.

– Не, это всё татуировки. Он говорит, что они у него заговорённые, и он сам заговорённый.

– Ну да, верьте... Оставьте да этот кармагал, – вмешался в разговор Хаджимурад. – Смотрите лучше, наш ихтиандр почти доплыл.

– Если бы ты не отгребал от него, то Тага давно бы уже в лодке был. Он за нами уже пару минут плывёт.

– Ему это только на пользу. Раз начали, то надо до конца довести.

– Это ты начал. Если б знал, то не поехал бы с вами. Я брата топить не собирался.

– А кто его топит? – недоуменно развёл плечами Хаджимурад. – Вон смотри, как он плывёт, рассекает... Гигант! Ещё «спасибо» мне скажет. Теперь, как и мы, морским будет.

– Волком, что ли?

– Ага, волчонком. Будет с нами в море ходить, сетки ставить, за горизонтом следить, рыбу вытаскивать... Да мало ли дел у нас бывает в море и после, на берегу. Тебе ли не знать?

– Ну да, есть такое, – ответил Булат, а после, подумав немного, обеспокоенно добавил: – Но умение плавать – это одно, а наша рыбалка – это совсем другое. Не мелкий ли он ещё для такого? Там ведь пограницы... А они те ещё уроды. Хорошо, если тепло, – перевернули лодку и плыви. А если холодно. Ты забыл, что случилось с дядей Абдулом? Нас же мама убьёт.

– Утонешь, домой не приходи? – язвительно заметил Хаджимурад. – Помню-помню. А старших они вообще не щадят. С вертолёта на моторы мешки с песком кидают, прикинь?

– Хватит шутить. Ты прекрасно понял, о чём я говорю.

– Понял. Но ты, брат, поостынь. Забываешь, кто тут главный и кто решает. Ладно, хватит языком чесать. Пора его вытаскивать. А то придётся за ним нырять, а я чего-то не хочу. Может, ты нырнёшь, раз так переживаешь? – усмехнулся старший брат. – Держи весло, Булат. Вытаскивай этого мокрого щенка. Он уже не утонет. Живучий! Весь в Магомедовых! Наши так просто не сдаются. Грызть землю будут, но не сдадутся.

– Землю? – развеселился Муртуз. – Ты сначала до неё доплыви. Тут же кругом только море. Придумай что-нибудь поинтереснее. Достань, что ли, свой компас, мореплаватель.

– Не мешайте, уроды! Лучше помогите! Что встали? – прохрипел Булат, с натягом втаскивая Тагира в лодку, который уже во второй раз стал уловом команды резинового судна.

Тагир ввалился в лодку и распластался, насколько это было возможно, на дне. Казалось, что он не может надыхаться, так шумно и жадно он ловил воздух ртом.

Муртуз по-отечески, сочувственно, посмотрел на синего, покрытого гусиной кожей Тагира и, улыбнувшись, взъерошил его мокрые волосы.

– Ну, вот и всё. С почином, барагоз! Натворил дел! – весело рассмеялся он, глядя на мальчика, который напомнил ему бледную тень себя прежнего.

– Всё позади, сейчас будем рыбу ловить. Всё закончилось, не парься. Тебя никто больше не тронет. Ты прошёл испытание. Мужик! – гордо сказал Булат и хлопнул его по плечу так, будто хотел выбить из мальчика оставшийся в нём дух.

8.

Солнце, повзрослев, ослабило хватку и снисходительно взирало сверху на обитателей города. В матовом небе неподвижно застыли золотисто-жёлтые, цвета охры облака. Охупками они нависали над морем, пестуя своё значение и важность – безмолвные свидетели, воздушные корабли, севшие на мель в отсутствие ветра. Скоро они проведут золотистый шар за горизонт и растворятся в надвигающейся темноте.

Предвечерний покой нарушил отдалённый гул, который становился всё сильнее. Небо задрожало, и кукурузник совсем рядом, хоть пригибайся, прочертил свою прямую линию.

Ребята, вытащив лодку на берег, запрокинув головы, прикрыв руками глаза от солнца, провожали взглядами железную птицу. В пропитанных солнцем и солью, в них ещё бился пульс моря, но прежнего энтузиазма уже не было. Вдоволь насытившись морем и наловив кучу рыбы, они хотели поскорей вернуться домой. Распрощавшись с Муртузом, братья двинулись вдоль берега. На обратном пути уже не хотелось веселиться, измываться друг над другом или устраивать забеги наперегонки. Тагир, которого примирило с братьями море и рыбалка, шёл, задумавшись, озираясь по сторонам, удивляясь количеству отдыхающих на пляже.

– Очень кушать хочется, – тоскливо заметил Тагир, – мама, наверное, хинкал или чудушки приготовила... М-м-м... как ноет в животе... Кишки друг с другом махаются...

– Да что там осталось?! Скоро дома будем. Вот мама обрадуется: мы ей рыбу – она нам еду. Нормальный обмен, да же?

– Да же, да же. Потерпите немного, – заботливо сказал Хаджимурад. – Я вот, например, люблю чувство голода. Потом с таким удовольствием ешь.

– Точно, Хаджик, точно! – оживился Булат. – Я тоже люблю это чувство. С таким кайфом ешь, уф... А потом снова хочется стать голодным-голодным, чтобы снова наесться-наесться.

– Тага, я же тебе говорил, что он выдумщик и балаболка, – кивнул в сторону Булата Хаджимурад. – Ну что бы мы делали без его трескотни под ухом?! Совсем от скуки сдохли бы.

Хаджимурад чувствовал, что между ним и Тагиром разговор не вязался, и поэтому пытался как-то ослабить эту натянутость, всячески стараясь вовлечь его в беседу. Но тот хоть и поддерживал разговор, делал это без желания, сосредоточившись на дороге и море, которое словно магнит притягивало его взгляд.

Тихо крадущиеся волны мягко обхватывали щиколотки, струились вокруг, неохотно откатывались обратно в море и снова заговорщически ползли по песку.

Море казалось таким же вечным и необъятным, как и в любой другой день, однако теперь что-то изменилось. Тагир чувствовал духовное и телесное родство с ним, будто бы они побратались, дали по рукам и поклялись в вечной дружбе, которую скрепили не кровью, нет, но чем-то большим и многозначительным.

Казалось, что если море исчезнет в одночасье или вдруг высохнет, то ему будет очень-очень худо. Море же, случись что с Тагиром, напротив, всё так же качало бы свою гладь, выливаясь из краёв в дни ненастья и ветров, сетуя на ещё одного обещавшего быть с ним навсегда, но исчезнувшего товарища.

В набегавших на пляж волнах Тагир видел, то скромную девушку, подбирающую платье, подолом которого служила морская пена, то гордого и спокойного юношу, закатывающего белые пенистые рукава перед работой. То казалось ему, что из воды смотрит на него седой старец Каспий с белыми висками и всклокоченной бородой.

Устыдившись возникающих в голове ассоциаций, Тагир деланно усмехнулся и украдкой посмотрел на шедших рядом братьев. Никто не заметил его настроения и непрошеной слезинки во взгляде? Всё было, как и прежде.

Впереди маячил подъём в горку, медленно катился по рельсам поезд. Его пассажиры

повысовывались из окон, стояли в проходах между вагонами, смотрели на пляж и море отовсюду, откуда только можно было. Железная раскалённая змея с десятками завистливых глаз.

Поезд остановился и устоялся вниз – на море. Вдруг от одного из вагонов оторвался человек, прыгнул с платформы и устремился вниз по склону горы, по одной из дорожек, которые, как ручейки, стекались вниз, к заасфальтированной дороге, а потом и к пляжу.

Вслед за ним, преследуя беглеца, катились щебёнка и мелкие камешки, вздымалась маленькими облачками пыль. Жигуль, набитый детьми, клаксоном напомнил о себе, но парень промчался мимо, даже не взглянув в его сторону. В одежде, с разбегу, он плюхнулся в море, подняв столб брызг и вызвав всеобщее восхищение.

– Во даёт, – завистливо прошептал Булат.

Заворожённо он смотрел, как парень с шумом вынырнул, весь мокрый и счастливый. Рубашка, расстёгнутая на груди, облепила его со всех сторон. Как ребёнок, он шлёпал руками по воде, смеялся, прыгал вверх, а потом отталкивался назад и, запрокидывая голову, падал на спину. Снова и снова. Жадно, не останавливаясь даже на секунду. Казалось, весь пляж смотрел на его игрища, оценивал его детскую непосредственность и радость свидания с морем. Восхищение боролось с завистью, а находило в итоге с улыбкой на устах горделивое снисхождение. «Мы-то тут. Всегда рядом. Можем искупаться, как только захотим. Но мы тебя понимаем, брат. Радуйся, жаждущий моря гость. Наслаждайся и смейся, а мы посмотрим. Запомни этот момент, а мы запомним тебя. Бери! Наслаждайся нашим морем, и никогда не забывай этот летний день», – читалось во взглядах отдыхающих на пляже махачкалинцев.

Раздался свисток. Поезд сдвинулся с места и вдруг снова встал как вкопанный. Все услышали, как вагоны, перестукиваясь, проверяли на прочность связь друг с другом. Тух-тух-тух-тух! Тух-тух-тух-тух! Маленький гром, сотрясение воздуха, которое трудно проигнорировать и не заметить. Но парень купался не в море, он купался в своей любви к нему, в коротком единении с ним. Молодой

человек, авантюрист, которых так любят жители горных краёв, не слышал ничего, кроме плещущейся вокруг воды. Море поглотило его, захватив разум и чувства.

Поезд, установив прочность связи, снова постучал своими железными суставами, вагоны рассчитались на первый-второй, и состав, подавшись вперед, медленно тронулся. Раздался пронзительный гудок, и беглец спохватился, испуганно подняв голову и устремив взгляд наверх.

Пассажиры поезда отчаянно махали ему, то ли прощаясь, то ли призывая поторопиться. На секунду парень завис в нерешительности, а потом рванул вверх – сначала из воды, а потом через пляж и наверх, по горке, буквально карабкаясь к поезду. Несколько цепких рук помогли ему забраться в вагон, и толпа, наблюдавшая за ним с пляжа, взорвалась одобрительными возгласами и редкими аплодисментами. Поезд, лениво набирая скорость, скрылся за деревьями, и жизнь пляжа снова вернулась в прежнее русло.

Оставшийся путь ребят прошёл без приключений. У перехода через железную дорогу они снова повстречали желтоусого старика с внуком, которые задержались у высохшей травы, раскинувшейся вдоль рельсов. В ведре плескалось с десятков тарашек и бычков, но не этот скудный улов сейчас занимал старика и мальчишку. Пригнувшись, оба напряжённо вглядывались в выгоревшую на солнце траву.

– Дяденька-дяденька, а дяденька, что вы ищете? – спросил, подкравшись поближе к старичку, Булат.

– У-у-у, шпингалеты, опять вы! Тсссс, – шикнул старичок на Булата. – Шумные вы чересчур. Ни рыбу половить, ни ящерку внуку показать.

– Да что, я ничто! Просто спросить хотел, – слегка обиделся Булат.

– А не лучше вот так, – сказал Хаджимурад и кончиком спиннинга потревожил жёлтую траву.

Тут же, как по заказу, из травы, быстро-быстро махая хвостом, выскочила жёлтая ящерка и, засеменяв лапками, скрылась из виду. Тагир сделал резкий выпад ногой, пытаясь наступить на хвост ящерице, но не успел.

– Эх, мазила, – сказал дед, – никакой реакции. Ладно, что теперь делать. Ну? Ты увидел ящерку? – спросил он у внука.

– Да, чуть-чуть. Такая маленькая и быстрая. Жёлтая, как трава...

– Если наступить ей на хвост, то тот оторвётся и будет ещё долго дёргаться как будто живой. Вот так, смотри, – Булат изобразил пальцем оторванный хвост и улыбнулся, посмотрев на братьев.

– Хватит-хватит, хватит с него на сегодня... Насмотрелся всякого, ещё оторванных хвостов не хватало.

Булат недоумённо уставился на старика. Странно было слышать в его голосе раздражение и недовольство, но он промолчал. Не спорить же со стариком, доказывая, что просто хотел поиграть с мальчиком, удивить его рассказом о ящерке.

– Отец, ты так говоришь, будто вы с пацанчиком не рыбу ловили, а чудовищ каких-то. Что можно увидеть на море кроме загорающих людей и рыбаков?

– Утопленника! – вдруг неожиданно выпалил мальчик. – Он лежал на песке синий-синий и не шевелился. Вокруг него собралось во-о-от столько людей. – Мальчик развёл руки как можно шире. – Но я всё видел. Глаза у него были открытые, а изо рта шла вода. А потом пришёл доктор. Но он не торопился, как будто не хотел его спасать. У него был чемоданчик, и я думал, что он достанет лекарства или свои приспособления, но он просто начал что-то писать в тетрадке. И никто ему не сказал, что надо быстрее его спасать. А потом приехала машина с мигалкой, – продолжил, захлёбываясь словами, свой рассказ мальчик, – и... забрала его. Дедушка, он теперь в больнице, и у него всё хорошо?

– Конечно, внучок. У него теперь всё хорошо. Аллах забрал его. Теперь у него всё хорошо. Лучше и не бывает.

Мальчик понимающе посмотрел на дедушку.

– Как у бабушки?

Старик задумался. Обвёл глазами мальчишек, улыбнулся, а потом, ласково погладив внука по голове, сказал:

– Да, родной. Как у бабушки. Они ушли, а мы остались, и им лучше, чем нам, поверь. Им всем там очень хорошо. Когда-нибудь мы снова встретимся, но не сейчас, а гораздо позже. А теперь пошли. Твои родители тебя, наверное, заждались – покажешь им свой улов.

9.

Свежий ветер врывается в окно толчками, сгибая цветы на подоконнике, которые кланялись ему неистово, с излишним усердием, заискивая перед варваром, который гулял по дому и хлопал незапертыми дверьми и створками окон. Дом кряхтел и вздыхал, хрустел половицами, звенел сквозняком, гремел шифером на крыше. Погода резко изменила настроение, с моря несло прохладой, где-то наверху храбрился дождь.

Тагир сидел на чердаке и смотрел в окно, наблюдая, как вдалеке волнуется и рокочет море. Оно было как на ладони. Таким близким и в то же время недостижимым. Начиная смеркаться.

Над домом, несколькими уровнями выше, широко расставив ноги, стояла телевышка, близость которой была только кажущейся. Оптический обман вводил в заблуждение и заставлял думать, что до неё рукой подать. На самом деле это было не так. Отец всегда говорил Тагиру, что вышка должна служить ориентиром в его жизни. «Если потерялся в городе и не знаешь, как найти дорогу домой, просто иди, пока не увидишь вышку. Помни, на лбу у себя высеки, что, как только ты её увидел, до дома недалеко, а значит семья рядом. Я – рядом».

За телевышкой тянется обязательная череда горных вершин, напоминающих издали ломаную линию кардиограммы, которая скачет вверх-вниз. Там, за горами, тоже горы, но их не видно. За одной нашей горой – две чужие, и так – до бесконечности. Зато видны кучные облака, которые зачем-то жмутся друг к другу. Их можно принять за папахи, которые кто-то нахлобучил на горные вершины, а сливовую дымку под ними – за складки ускользающего дня, который окончательно исчезнет, канет в неизвестность, медленно перевалившись через горные хребты, куда-то туда, в наступающую ночь.

Но пока она только собирает свой походный рюкзак, а море открыто взгляду, можно помечтать и подумать. Мысли вольны в своём пути и забредают в самые потаенные уголки сознания, отбрасывают тени, которые тянутся нескончаемо длинно и неотступно следуют за своим юным хозяином, куда бы ни заводило его воображение, в какую сторону бы он ни направлялся. Сегодня мысли были полны сомнений, наткнулись на раздрай и хаос и беспокойно метались

из стороны в сторону. Моральные кульбиты и нравственные страдания, непонимание себя самого и возникающих чувств, не давали Тагиру покоя. Нет! Покоем тут и не пахло.

«Как лучше думать, с закрытыми или открытыми глазами?» – спросил у себя Тагир и сделал очередную затяжку. Курить он начал в прошлом году, пойдя на поводу у друзей, которые дымили в школьной раздевалке. Теперь он недоумевал, зачем ему было это нужно. В общем-то, он легко мог обходиться без сигарет, да и курить толком не умел. Но сейчас, глядя на море и вспоминая прошедший день, он не заметил, рука сама потянулась к тайнику, где он держал сигареты. «Буду курить назло Хаджимураду. Он ещё пожалеет! Сдам его со всеми потрохами, как дойдёт дело. И Муртузу достанется, хотя он-то что... Это всё Хаджик – опыты решил на мне ставить», – думал Тагир.

Тагир недоумевал, как можно любить и ненавидеть одновременно? Он был настолько зол на Хаджимурада, что ни с какой другой злостью, даже по отношению к врагу, его чувства было не сравнить.

Обида на Муртуза, также участвовавшего в сговоре, не шла ни в какое сравнение с тем, что испытывал к своему родному брату Тагир. Всё в нём пылало, а планы отмщения буравчиками сверлили мозг, то сводя его с ума, то вдруг прекращая натиск. Немного поостыв, он уже расхотел мстить брату. Сердце, ошпаренное кипятком, теперь студил холодок равнодушия и недоумения. Он ещё был слишком мал и не мог представить, что чем ближе родственные связи, тем сильнее в случае разлада ненависть. Она по-особому жжёт, портит кровь и характер, отпускает на волю те слова и поступки, которые обычно прячут глубоко-глубоко в сердце, о которых и не знаешь вовсе. Дойдя до точки, переступить через родного человека становится легко, даже приятно. Всё происходит само собой и уже никого не удивляет. В первую очередь не удивляет тебя.

Ему было невдомёк, что нет ничего хуже братской ненависти, как и нет ничего сильнее братской любви. Всё, что пережил Тагир, горечью разливалось внутри него, но, как и любое лекарство, горькое по своей сути, было целебным и приносящим пользу. Мысли-перевёртыши подталкивали его к поиску

оправданий старшему брату, а уважение и привязанность к Хаджимураду облегчали поиск. Прощение росло и становилось крепче. Ему и нужна-то была самая малость – время. А впереди его было предостаточно.

Тагир сделал ещё одну затяжку. Дым, как виноградная лоза, обвивал его пальцы, держался за них до последнего, а потом медленно плыл вверх до тех пор, пока ветерок не подхватывал и не уносил его с собой.

«Зато теперь я умею плавать, – подбадривая себя, подумал Тагир, – вот друзья, удивятся. Теперь я совсем взрослый». Но хвастаться перед друзьями почему-то не хотелось. Теперь это казалось ненужным и лишённым удовольствия. Тагир подошёл к окну, ещё раз окинул панораму моря, обнявшегося с городом.

Ветер крепчал и, казалось, говорил на всех дагестанских языках. Скоро придётся закрыть ставни и спуститься вниз, к семье. Но пока можно не торопиться и задержаться на несколько минут. Ещё раз вспомнить море, которое всегда будет с ним. Теперь уж точно.

У каждого из нас своё море. Для кого-то оно – время, в которое мы забрасываем удочку, а кому-то – идеальный собеседник. Море умеет слушать, но мало кто умеет с ним разговаривать. Тагир тоже не умел, но теперь они будут говорить друг с другом на одном языке. Было бы здорово, подумал Тагир, замахнуться, и от плеча, размашисто, что есть силы, закинуть леску в небо, и ловить там, в зависимости от времени суток, звёзды или пушистые клубы облаков, временами так похожие на сладкую вату, которая тает в руках. Вот только какую наживку приготовить для небесной синевы, на что клюют звёзды и другие светила, как поймать облака, висящие над головой молчаливыми свидетелями жизни на земле, песке и воде.

Тагир улыбнулся. «Вот из-за таких мыслей я и становлюсь неженкой. Поэтому Хаджимурад и вынужден был так со мной поступить. Подтолкнуть меня. Вот он меня и подтолкнул», – подумал и недобро усмехнулся Тагир, отчётливо вспомнив поединок в лодке и падение в воду. Сердце защемило, но не от жалости к себе. Причина крылась в чём-то другом. Чтобы унять неприятное чувство, Тагир стал расхаживать по чердаку и рисовать глазами узоры на

стене. Время шло и за окном небо нахмурилось ещё сильнее, а на горизонте стали стягиваться тучи.

Почему-то сильно захотелось поговорить с братом. Но сейчас из этого не вышло бы ровным счётом ничего. Пока вся семья в сборе, и внизу не протолкнуться, разговора не получится – всего не скажешь. Да и когда Хаджимурад признавал свою вину, даже пустяковую? Раскаяние, которое всегда состоит из жертвы, было совсем несвойственно Хаджимураду. Тут бы просто поговорить с ним по душам, объяснить, сказать, что море теперь не страшное, и он был во всём прав. «Станет ли меня слушать Хаджимурад? Или просто отмахнётся, мол, не придавай этому большого значения? Хм... Выслушает! Он умеет слушать, если надо. Но теперь уже, наверное, завтра. Или позже... Когда-нибудь! Когда будет удобный момент, и никто не сможет помешать. А сейчас пора спускаться вниз».

– Тагирчик, – услышал он материнский голос, – ну что ты там запропастился? Или нашёл что-то на чердаке? Так спускайся и покажи, мы все посмотрим.

– Девушку, что ли, там прячешь?! – прогготал Булат.

– Тьфу, наджас, дурак! – услышал Тагир возмущённый голос мамы и щелчок, который, судя по всему, послужил звуковым сопровождением щедрой оплеухи, которой был награждён Булат.

Тагир довольно хмыкнул и представил выражение лица Булата. «И всё-таки он молодец. Как здорово, что у меня есть такой брат, как Булат», – подумал Тагир.

Багровое солнце, вконец состарившееся, почти исчезло из виду, и Тагир наконец перестал всматриваться вдаль. Сумерки скрыли порт, пляж и принялись за море, которое стремительно впитывало темноту. Ветер, совсем осмелев, нёс с собой морской воздух и вольный запах надвигающихся перемен. Раздался гром, сильнее затрещали деревья, у кого-то во дворе завывала собака. Вдалеке зажглись и замерцали огни промысловых кораблей. Тагир запустил сигарету в окно, и она исчезла в темноте. Ещё раз посмотрев туда, где должно было быть море, он закрыл ставни. По крыше дома забарабанил дождь.

Алиса Ганиева

Дорога осторожно шла в гору. После мучительной предзакатной левашинской пробки путь давался легко и быстро. В приоткрытое окно бил ночной щавелевый воздух. Кебедов давно свернул с трассы на хрустящую гравийную дорогу и всё поглядывал на светящийся циферблат часов. Минут через сорок наверху, за отрогом, должны были показаться огоньки селения.

«Раньше надо было выехать, раньше», — думалось ему.

Но раньше было не вырваться. Весь день ушёл на перебранку с мечетскими здоровяками. Каждый день они наступали гурьбой и запугивали жителей пригорода, требуя отдать дома и участки ненасытному муфтию. Грохотал муфтиятский экскаватор, ломая заборы и зелёные палисадники. Бегала гурьба спортсменов, приспешников муфтия. Голыми руками, навалившись толпой и хором горланя «Аллау акбар», крушила чужие стены. Кебедов месяцами носился с жалобами, но на мечетских не находилось управы. А утром к нему на веранду ворвались двое посланников муфтия, опрокинули этажерку, разбили горшок с жениным фикусом и настойчиво пригрозили Кебедову «порвать очко». Выбежала из комнаты взволнованная, напичканная анаприлином жена, запричитала проклятия.

Кебедов поморщился от воспоминаний и, слегка пробуксовав колёсами, свернул на блуждающий в свете фар серпантин. Набыченные лица гостей всё никак не шли у него из памяти. Он чувал, что не вынесет дальнейшей атаки. Что отдаст-таки неужному муфтию и свой участок, и строящийся магазинчик. Сам муфтий прятался от народа в недрах кирпичного особняка и в специально прорытых подземных ходах,

Мункар и Накир

предоставив приручать оставшихся бунтовщиков молодой духаристой армии. Набожные молодчики ломали протестующим рёбра и конечности, а также мобильные телефоны и камеры наблюдения, запечатлевшие их набеги.

Кебедову вдруг стало жалко жену и её фикус. Дерево предназначалось для дочери. Фикус якобы помогал зачатию, а жена надеялась на внука. Уж чего только они с дочерью не перепробовали. Не подметать под кроватью, пить настои на розовом кварце, отслеживать цикл луны, мотаться к знахаркам за медвежьей плацентой. Дочь четыре года как замужем, и бесплодна. С зятем, правда, повезло. Работящий, держит мастерскую. Механик, часовщик. На днях Кебедов спросил его:

– Слушай, а почему стрелка на часах вот так движется – право, а не влево?

– Хочешь, я для тебя часы с обратным ходом сделаю? – воодушевился зять.

– Нет, ты мне объясни, почему принято, чтобы вправо?

– Из-за солнечных часов это. Тень от солнца потому что вот так, вот так двигается, по часовой стрелке...

Он показал движение тени пальцами. Вот оно как, оказывается. Кебедов где-то слышал, что раньше, если раб вставал на тень господина, его убивали на месте. Интересно, в каких краях. А еще, что якобы, если хочешь переспорить человека, нужно встать его тени прямо на шею. Кебедов думал об этом, когда приходили мечетские здоровяки, и даже искал глазами их тени, но тщетно. Теней не было, как будто отсохли.

Автомобиль трянуло на повороте. Серпантин должен был вот-вот закончиться. Ещё полчаса пути, и покажется село. Кебедов

ехал по случаю смерти пожилой тётки, сестры покойного отца. Тётка родилась умалишённой и всю жизнь просидела в девичестве, копя приданое из безделушек. Родственники дарили ей, весёлой ребячливой старушке, разноцветные пластмассовые детские часики, и она ждала женихов, нацепив их разом на оба запястья. Перед смертью вдруг стала активной и беспокойной. Выбегала во двор, повторяла, что за ней вот-вот придут сваты, а через пару дней, рано утром нарядилась в лучший платок, села ждать на деревянную скамью у ворот и тихо скончалась. Родственницы теперь твердят, что не носи старушка часы, прожила бы дольше. Они, мол, жизнь сокращают. Кебедов собирался выехать ещё вчера, в день тёткиной смерти, но не успел, закрутился...

Серпантин закончился. Справа от дороги нависла каменная скала. После последних обвалов её от греха подальше скрутили металлическим тросом, чтобы отколовшаяся была глыба не рухнула на дорогу. Кебедов сбавил ходу и поехал ползком. Нужно было позвонить в село и предупредить, что скоро пожалует.

– Алло! Алло! – закричал он в трубку. Собственный голос показался ему чужим и странным в этой ночной глуши.

– Алло! – раздался в трубке родной голос сестры и сразу прервался.

Пытался перезвонить, не удавалось – связи не было.

«Ничего, сейчас выеду на открытое место», – подумал Кебедов и глубже нажал на педаль. Наперерез, через дорогу внезапно ринулся непонятный ночной зверёк и скрылся во тьме. «Лиса, что ли?» – перепугался от неожиданности Кебедов, успев притормозить. Мелькнула случайная мысль, что мясо лисы разрешается есть по исламу. «Только вот не помню, почему, – подумал Кебедов. – Кажется, потому, что она клыки не использует. Если животное клыки не использует...»

Не успел он додумать, как раздался оглушающий грохот, как будто бухнул налетевший откуда-то гром. Кусок скалы, медленно и долго выскальзывавший из железных

оков троса, в одну смертельную секунду сорвался вниз и разможил капот злополучной машины Кебедева. Кусок арматуры вонзился ему в живот. Он крикнул, пустил изо рта пузырьёк крови и провалился в тёмную бездну.

В ушах у него шумело. Шум был неприятный, как бы раздражающий барабанные перепонки. Скала летела на Кебедева чудовищно долго, ему показалось, целую вечность. Потом он будто нырнул куда-то, но сразу же вынырнул в невыносимый скрежет. Один его глаз залепило пылью и запёкшейся кровью, и он так и не смог его разлепить. Вторым он с трудом различал в тёмной груди упавших сверху камней отсвет ещё горевшей фары. Незаметно, глубоко в его теле начинала ворочаться просыпающаяся звериная боль. Он скосил глаз на застрявшее на руле запястье. Светящийся циферблат, казалось, распухший в три раза и пьяно меняющий очертания, показывал третий час ночи. Сколько прошло часов? Когда он звонил сестре, не было и двенадцати.

В животе у Кебедева жарко пекло, а в ушах продолжали жужжать свёрла. Он попробовал посмотреть вниз, но в подбородок упиралась измазанная чем-то подушка безопасности. Пошевелил руками. Левая совсем не реагировала, а правая тряско, непослушно поползла по соседнему креслу, по завалившим его камням. Полунемые пальцы нащупали телефон. Больница? Ближайшая районная больница в часе езды. Смогут ли прислать вертолёт? Страшным усилием мышц он разблокировал телефон, нажал, не сразу попадая кровавыми пальцами, на кнопку дозвола сестре.

Сеть не ловила. «Экстренный вызов должен работать», – мелькнуло в голове у Кебедева, но двигать пальцами становилось всё тяжелее. По темени его вдруг как будто застучали огромным молотом. Свет от фары окреп и как бы вспучился, а в животе запекло сильнее. Кебедов увидел плывущий во мгле светящийся шар и всполохи света в колеблющемся вокруг пространстве. В голове затеснились образы. Играющая солнечными зайчиками покойная тётка. Жена со свечой в руках, ещё молодая, в давно

выброшенном ситцевом халатике. Детство и сельский ночной огород, испещрённый огромными светляками... Слышал по телевизору, самки мигают своим огоньком, имитируя световой рисунок другого вида жуков-светляков, чтобы привлечь наивных самцов и сожрать их... Флюоресцентность. В человеке она тоже есть. Только в тысячу раз слабее, чем можно увидеть.

Световое пятно приблизилось, ослепляя единственный зрячий глаз Кебедева. «Кто здесь?» – попробовал он спросить, но изо рта его раздался один клёкот.

– Вот ты, братуха, попал... – зацокало языком световое пятно.

– Помо-ги, – собравшись с силами, – захрипел ему Кебедев.

Пятно обернулось незнакомцем. Он в ужасе разглядывал искромсанный салон, подсвечивая ручным фонариком, шепча про себя невнятные молитвы.

– Те-ле-фон! – чуть громче захрипел Кебедев, подстёгиваемый надеждой. – Позвони! Там! Ловит! На горе...

– Вот тебе ахирзаман пришёл, да. Ва, аузубиллях... – продолжал сетовать незнакомец.

Кебедев его не узнавал. Зелёная тубейка. Моложавое лицо, щетина. В левой руке стеклянная бутылка, плещется вода. Вода... Ему бы... Но незнакомец мигом осушил бутылку, оглянулся и, махнув рукой, метнул её назад на дорогу. Бутылка ударилась о невидимый камень и со звоном разбилась.

– Ради Аллаха, – выдохнул Кебедев, чувствуя, как боль потихоньку прорезывается внутри, – позвони... в больницу...

Незнакомец как будто наконец что-то понял. Он достал свой телефон и принялся в нём копать.

– Там! Ло... вит – выдавил Кебедев, тупо вглядываясь слезящимся глазом вперёд, в темень. Он помнил, что за упавшей глыбой, если взбежать на пригорок, – от силы пять-десять минут пешком, – открытое поле. И должна появиться связь. Десять минут плюс час до приезда скорой. В селении тоже должен быть фельдшер, поможет продержаться. Только подняться на пригорок и позвонить. Совсем чуть-чуть...

– Я понял, брат. Спасись хочешь, да? – услышал он сквозь сжимающий голову шум речь незнакомца. – Врачей позвать?

– Да... да...

Кто бы он ни был, этот незнакомец, он совсем не торопился бежать и звонить, и как будто бы намеренно его мучил. «Он меня даже сфотографировал, кажется», – раздражённо думал Кебедев.

– Мне жаль тебя, братуха, жаль. Вот ты сейчас, как червь здесь корчишься, слушай, и думаешь, что спасёшься, – ухмыльнулся незнакомец. – Знаешь, что говорил пророк, саллалау алайхи вассалам? Та смерть, от которой вы бежите, вы её встретите, есть же. И будете возвращены ко Всевышнему Аллау, который знает явное и тайное. Правильно же говорят: чаще вспоминайте о смерти, пожирательнице наслаждений...

– По-зво-ни, – почти захлёбываясь собственной терпкой кровью, повторил Кебедев, начиная приходить в отчаяние.

– Вот ты, когда сюда ехал, разве знал, что сегодня умрёшь? Что скала упадёт! Скала! Знамение это, понял, нет? Ансары пророка...

– Я жив, – захрипел Кебедев. – Звони! Пожал... Звони...

Он подумал, что сейчас проснётся. Что отлежал руки и ноги. Возможно, подхватил грипп. И теперь заперт в этом кошмаре. Но надо сделать усилие и проснуться. А всё войны с муфтием... Нет, дайте только ему проснуться... Но как? Можно было бы закрыть себе рот и нос и попробовать не дышать. Если получается не дышать, значит, точно сон. Или взглянуть в зеркало. Проследить, как ведёт себя отражение. Если меняется ежесекундно, значит, дело нечисто.

Часы! Они должны показывать что-то нелепое. Сто два часа и восемьдесят две минуты. Звезду вместо кружочка. Пляшущих человечков... Но, увы! Часы показывали ровно три и никуда ни сбивались. Только контуры предметов подрагивали, как будто лежали на дне колодца, а Кебедев смотрел на них сверху.

– Вот ты сейчас увидишь двух ангелов, жи есть. Мункара и Накира. И они спросят

тебя: «А что ты знаешь о Пророке, саллалау алайхи вассалам». А ты скажешь: «Вот не знаю ничего».

– Я ска-жу: «бисмиль... ляи рахма... ни-рахим... лаиля... хаилла... ла Мухаммад... расудула...» Позвони... ради Аллаха. Ты... не дагестанец, что ли?

– Смотри да на него! – сверкнул незнакомец зубами. – Что только не готов сказать, лишь бы я его в эту грешную жизнь вернул, да? Ты только о врачах думаешь, да же? Не о Пророке, саллалау алайхи вассалам, а о себе самом

– О про-ро... – начал Кебедов, умоляюще протягивая незнакомцу свой телефон. Незнакомец брезгливо взял его двумя пальцами, вытащил из кармана носовой платок и стал терпеливо протирать корпус от грязи и крови.

– Сест-ре... – захрипел Кебедов. – По... зво... ни! Ты... местный?

– Нет, не отсюда я. – Мотнул головой незнакомец. – Ну ладно, ладно. Хипишнутый какой-то. Позвоню. Только не надейся, что ангелы тебе поверят. Они, думаешь, сейчас не наблюдают за тобой? Лицемер ты, вот ты кто. Шахаду говоришь, а сам о больнице думаешь... О своих земных радостях думаешь. О жене, об имуществе, да? Надеешься, ангелы тебе так и поверили. Думаешь, они тебе могилу расширят до судного дня? Чтобы светло, хорошо там было, да? Валлах, нет. Они сразу поймут, что ты за крыса. Скажут земле: «Соберись!», и она так сдвинется, что все твои рёбра войдут друг в друга. И будешь так корчиться, пока Аллах, создатель миров, не воскресит тебя, понял?

– Пон... – покорно начал Кебедов, лишь бы тот наконец пошёл звонить, но обессилен и не закончил фразу.

Замутнённым глазом он смотрел, как незнакомец растворился во тьме и понёс блуждающий свет фонаря вперёд, за обвал, туда, где мерещились связь и спасение. Он явно сумасшедший. Что-то не так с мозгами. Может, окрестный пастух. Теперь бы дождаться...

Во рту у Кебедова давно горело от жажды и сухости. Правая рука тоже боль-

ше не слушалась, сильнее накатывала слабость. Всколыхнувшуюся было надежду задавила чёрная, удушающая паника. Вернётся ли незнакомец? Позвонит ли? Успеют ли? И что же там, у Кебедова внутри, в этом страшном мясном месиве? Участок... Жена останется одна, с муфтием не совладать. Магазин отберут. Дождётся ли внуков?.. Дома, в тумбочке спрятаны фотографии со дня рождения сослуживца. Нехорошие фотографии, с женщинами, отдыхали на морском берегу. Жена найдёт – не поймёт... А вчера отнёс в контору взятку за устройство племянника. Могут теперь откреститься, дескать, не знаем, не ведаем, несите ещё. Что скажет брат...

На обочине дороги снова возник танцующий огонёк фонарика. Неужели время настолько сжалось, и незнакомец успел позвонить и вернуться? Надо было засечь... Кебедов хотел обрадоваться, но внезапно остро ощутил собственные лопатки. Их резко свело, а боль, до сих пор застенчиво мнущаяся в глубине, разрослась и вонзилась в тело резко, нахрапом, буравя его на кусочки. Кебедов беззвучно охнул, застонал, потом вдруг на секунду почувствовал почти весёлую лёгкость и снова провалился во мглу. Уже навсегда.

Незнакомец приблизился и осветил фонарём в салон. Увидев, что Кебедов испускает дух, содрогнулся, сплюнул под ноги и начал читать Ясин. Дочитав, постоял немного и пошёл прочь. Симку из телефона погибшего он уже выкинул. Смартфон был хороший, дорогой. Хотелось сохранить его себе как талисман. Память о ночи, когда Аллах показал ему кару небесную. Знамение. Настоящего беспробудного грешника. А кого ещё могло придавить упавшей скалой?

Незнакомец скрылся, а вместе с ним уплыл и свет фонаря. На дороге, в машине под грудой упавших камней почивал мёртвый Кебедов. Навстречу, на разведку из родного селения уже ехали родственники, встревоженные его отсутствием. Часы на запястье продолжали тикать. А в кустах играючи шуршала чем-то маленькая лиса.

Елена Говерт

ОФЕЛИЯ – ГАМЛЕТУ

Милорд, я слышала, не надо отпираться,
Сказали вы – и дерзок был ваш взгляд:
«Какие сны в том смертном сне приснятся,
Когда покров земного чувства снят?...»

Смысл ваших слов постигнуть не пытаюсь,
Но что-то в них мое сознание жжет.
Скажу вам честно: смерти я пугаюсь,
Мне страшен этой женщины приход.

Мы жить должны, как лес, река и поле,
Как эти розы чудные в саду,
Как этот ветер, как волна и море,
Как новый день, которого я жду.

А птицы? Так легки и беззаботны
Их песни, и забавна суета,
И думать – для чего, зачем и кто ты,
На жизнь, милорд, большая клевета.

Мой принц, страшна мне ваших слов учтивость!
Хоть недостойна жизнью дорожить –
Мне Бог подарит маленькую милость
В любви и верности хотя бы день прожить!

Горчинка в голосе...

И не хочу пытаться я провиденье,
В душе, милорд, я помню сквозь печаль,
Что было там, до моего рожденья...
Там – теплый свет! И ничего – не жаль!

* * *

Белый локон снега за окном,
Он в стекло и тычется, и бьется,
И до крыш белым-бело кругом –
Музыку снежинок пишет Моцарт.

Снег летит, как музыки напор,
Клавиш окон звуками касаясь,
И внизу, в сугробах, сцена-двор,
На площадке детской – пляшет заяц.

Сумерки ползут из-за угла
И пространство улиц наполняют,
И уже тропиночка легла
От окна, где люстру зажигают.

И звучит, и льется снегопад,
Смех веселый Моцарта у двери,
И спешит, под шляпой пряча взгляд,
Сквозь метель завистливый Сальери.

* * *

Мы когда-то были дети,
Друг сердечный, мне поверь,
Но унес холодный ветер
Нас за тридевять земель.

Занавешен снегопадом
Переулок детских снов,
И звучит как будто рядом
Стук часов, иль звук часов.

В окнах – сказки чьих-то комнат,
Снилось мне – с тобой иду
В одна тысяча каком-то
Позабытом мной году.

Почему же так случилось
В тот далекий снегопад?
Я ушла – и заблудилась,
Не вернуться мне назад.

В окна снег летел и бился,
Заметал домов фасад,
Ты ушел – и заблудился,
Не вернешься ты назад.

И опять все так же гулко
Снег под крышами гудит –
Здесь, в колодце переулка,
Где годами время спит!

И летит он, снег, и бьется,
Все пытаюсь что-то сшить,
И никак она не рвется
Та невидимая нить.

Музыкой в ночи крадется
И звучит издалека
В глубине того колодца,
Что когда-то был – река.

* * *

Ушедших дней не греет свет,
Их тень – в полях легла.
Я ожерелье прошлых лет
В шкатулке берегла.

А сколько было дней в году –
Теперь не сосчитать.
Зачем тебя доньне жду
И дальше буду ждать?

Была разлука так легка,
И ночи – так легки.
Тепло хранит твоя рука –
Но не моей руки.

И где-то там, бедой томим,
Не доверял ты снам.

Я знаю – все равно моим
Ты оставался там.

Как зверь лесной, твой чуж след,
Я в ночь глухую шла.
От черных снов, от черных бед
Тебя я берегла.

Так рассудили в небесах,
Чтоб был таким сюжет:
Два сердца бьются на весах,
Висят на дыбе лет.

Ты – где-то там, я – где-то здесь,
В пустых мирах живем.
И в этом смысл какой-то есть,
Что мы друг друга ждем.

* * *

Горчинка в голосе – ну, что же! Ну и пусть!
Болезни срок пришел – по всем приметам!
Слеза-подруга и святая грусть –
Их занесло ко мне попутным ветром.

Сегодня день фантазий и разлук.
Включу камин и буду просто греться.
Я слушала всю ночь негромкий стук,
Не в дверь, а там – у горла, там – у сердца.

Провал окна – как памяти провал.
Мой разум пуст, он с тишиной поладил.
Никак не вспомню: что-то ты сказал
Иль молча по руке погладил?..

Уют болезни от беды спасет.
И где-то там тебе гадалка скажет:
По картам вышло – дама крести ждет,
Тебе дорога к ней под вечер ляжет.

Я буду верить – все случится так,
Ведь не напрасно в мыслях я сложила,
Что – вечер, и что лампу я включила,
Что слышу твой за дверью лёгкий шаг.

Горчинка в голосе – ну что же, ну и пусть!
Слеза-подруга, падай, поболтаем!
Лишь мы всю правду о разлуках знаем –
О чем в разлуке думать я боюсь!..

Арбен Кардаш

Эй, вы...

Эй, вы, что сыты и пьяны,
кичась обилием казны!
Людского рода стыд и срам,
вы мните, что равны богам?
Вам неизвестно слово «честь»,
хотя от спеси всяк раздут.
Не ведали, что банки есть,
где доброту в залог берут?
Пусть недоступный идеал
в душе истерзанной поблек,
пусть весь открытой раной стал –
но человек я! Человек!

Гнетёт несчастий груз с утра.
Ужели мир погряз во зле?
Ужели чуда и добра,
бывает столько на земле?
Не Бог, не царь и не герой,
не странник с нищенской клюкой,
не камень, не тростник, не червь,
я – человек! Во мне есть честь,
намус, и веры благодать.
Есть сердце, жарок крови бег.
Язык мой не приучен лгать.
Я – человек! Я – человек!

Я должен жить ... Пусть ночь черна –
душа плоды дарить должна.
Тружусь пчелою, муравьём ...
Что ж счастья в доме нет моём?
Век тяжкий для страны настал:
мой труд в цене совсем упал,
порушен в душах идеал,
сражает подлость наповал.
Вы мнили – отчего бы нет? –
на небесах купить ночлег?
Но вам Всевышний даст ответ:
«Я – человек! Я – человек!»

Я – человек!

* * *

Всё в наши дни наоборот.
Зла в мире больше, чем вчера.
На солнце млеет Зло, как кот.
Быть под ярмом – судьба Добра.

Увы, родник Добра иссяк.
Сберётся ль с силами? Бог весть,
ведь людям не понять никак,
что всё ж Добро на свете есть.

А Зло теперь в почёте. Зло
живущим стало образцом.
Обрящешь блага и бабло,
если склонись перед Злом.

Добро же – раб, глашатай Зла,
чавуш¹ несчастий, сторож бед.
Его поклажа тяжела,
и на душе просвета нет.

Глумится Зло: «Позор такой
влачить судьба не тяжела?»
Ему в ответ: «Мне не впервой.
Стерплю, но не предам Добра».

ЛИМОННОЕ ДЕРЕВО

Абдулрашиду Рашидову

Вот дом поэта. Горное село,
окно в потоках солнечного света.
Здесь деревце лимонное росло –
дарило вдохновением поэта.

Цветы лучились солнцем, а листва
вечнозелёной свежестью сияла.
Оно – явив вершину мастерства –
душевные невзгоды врачевало.

¹ Чавуш – исполнитель поручений начальства.

В сравнении с лимонами на нём
аж яблоки ахтынские бледнели.
Лимоны, словно лампочки, огнём
любую полночь озарить умели.

Зимой оно баюкало в ветвях
мелодии весны и свежесть лета,
и человек, их слышавший впотьмах,
неволью открывал в себе поэта.

Но деревце сместили как-то раз
к окну другому. Для такой затеи
была причина важная у нас:
казалось, будет там чуток светлее.

И вот уже лимоны не блестят
как лампочки, и нет цветов на ветках,
не источают листья аромат...
Обиделось, как юная кокетка.

Хозяин разгадать сумел секрет:
«Душа поэта в деревце лимонном –
и вот оно, как истинный поэт,
без Родины родить плоды не может».

МИКРАХ

Воспеть тебя слова бессильны наши –
ты к небесам вознёсся горделиво.
Не плач, не сказка, не молитва даже –
то сокровенное, чем сердце живо.

Микрах родимый!
Я отказываюсь от рифмовки
и не стану подгонять слова под размер.
Но если рифмы вдруг проникнут в стих,
знай: сердцевина сердца скрыта в них.

Для разговора с тобой о тебе
мне не нужно красивых, гладких слов.
Слова должны быть весомы,
как отколовшиеся от Шалбуздага
осколки скал –
пронизанные алыми прожилками,
как кровеносными сосудами,
эти камни и впрямь живые.

Для разговора с тобой о тебе
нужны слова прихотливо вьющиеся –
подобно горным тропам,

ведущим снизу вверх
и сливающимся воедино
на вершинах Шалбуздага.
Так родники твои
воссоединяются
в бурном течении Чехи-ваца.

О, если бы я сумел
придать словам кристальную прозрачность
твоих родников –
и утолить ими жажду души!
Как мастерство такое обрести,
коли поэты нынче не в чести?

Я вернулся к тебе
не похваляться, что стал поэтом.
Вернулся, удрал
от бесконечной суеты города –
моей новой родины,
так и не ставшей родной.
Город слишком суров:
он лишил меня крыл,
лучших лет, юных сил,
юношеских вихров.

Но я вернулся к тебе, не чтобы поведать о бедах,
не жаловаться на судьбу.
Вернулся насытить глаза твоей красотой.
Уши насытить
рокотом Чехи-ваца.
Голос его –
голос времени.
Вникнуть в него,
понимать научиться
мечтаю.
Вернулся учиться стойкости
у Шалбуздага.
Величавостью горных лугов
свою душу насытить готов.
Я вернулся
прощения попросить
у горных пастбищ, у родных могил,
у тех, с кем я делил свой стол и кров,
у всех, кого я некогда любил,
у дома моих дедов и отцов.
Ибо осталось слишком много дел –
их целая гора. Но здесь, в горах,
я устыжусь тому, что не успел.
А сделанное распадет в прах.
Лихой купчина – быт

ограбить норовит
остаток моих дней.
И спорить с ним – не смей ...

Моё гнездо!
Моё имянье!
Отчий край!
Ты время подлое
к себе не подпускай!

Век человеческий утратил лик –
не позволяй ему вступить в свой храм.
Болотом затхлым станет твой родник,
несущим гибель травам и цветам.

Простор небес, земли простор,
чья совершенна красота,
не для того, чтоб тешить взор –
Творец их создал неспроста,
чтобы однажды
в определённый час
Он сам сюда спуститься смог:
с самим собой
наедине остаться,
прислушиваясь к внутреннему миру,
к душе своей и памяти своей.
Присядет Он
у родника Чандар,
у родника Марвар,
у озера Сюрме,
на Сув или на Йиг
направит стопы
по лезгинским тропам.
На наши сёла глянет Он с высот,
на раненые скалы –
и головой от боли затрясёт,
и землю приласкает ...

Эти стихи оставляю,
чтобы Он подобрал на тропе,
Микрах мой.
Мой Микрах.

СВИРЕЛЬ

Однажды в городе меня настигла
свирели трель – и по спине мурашки.
Что за Маэстро, виртуоз настырный
выходит на балкон многоэтажки?

Потом поток мелодий несказанных
противиться стал каждый вечер мраку.
Родным селом шагаю – мне казалось –
и поднимаюсь выше, к Шалбуздагу.

Казалось: стал мальчишкой несмышлёным
и сызнава способен, как когда-то,
косить траву, ягнят пасти на склонах,
на свадьбах вновь отплясывать крылато.

Тот свет, присущий юности, веселью,
возможно ль снова обрести? Не знаю.
Ужели в крыльях, что душе свирелью
подарены – резвился ветер Рая?

Дни проходили – а свирель звучала
в душе высокой нотой идеала.
То весело, то нежно, то печально ...
И сердцу зачерстветь не позволяла.

Но вот однажды сумрачной порою
я не дождался пения свирели –
и ночь своей свинцовой мглой густою
пленила душу. Выжил еле-еле.

Я так и не узнал, кто был тот Мастер,
что доверял рыдающему звуку
тоску по дому, безнадёжность страсти,
ночного одиночества науку.

Жизнь, как стоячая вода, постыла
с тех пор. На сердце пролегли морщины.
Ту радость, что свирель мне подарила,
я не забуду до своей кончины.

Волшебной, удивительною силой
неведомый Маэстро обладает.
Он музыкаю душу оросил мне –
она в ответ стихами прорастает.

* * *

Когда Всевышний речь лезгинам создал,
он им не даровал излишек слов,
но посвятил Себя земли красотам ...

Я понял – замысел Творца таков:
столь красотой земля лезгин полна,
что выше самых лестных слов она.

Перевод с лезгинского Виктора Куллэ

10 марта в Театре поэзии была представлена музыкально-поэтическая программа по произведениям Р. Гамзатова
Фото Г. Расулова

На открытии этнографической фотовыставки
«Мозаика истории» в галерее Дома поэзии.
Фото Г. Расулова

